Отто Менхен-Хельфен
История и культура
Гуннов

Отто Менхен-Хельфен

История и культура гуннов

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9810661
История и культура гуннов: Издательство Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-9524-5131-5

Аннотация

Большую часть своей жизни профессор Калифорнийского университета Отто Менхен-Хельфен посвятил изучению мира гуннов. Он много лет путешествовал, посещал раскопки в Венгрии, Афганистане, Непале и Монголии, на Кавказе и у Великой Китайской стены. Вооруженный обширными знаниями в филологии, лингвистике и в истории азиатского искусства, Менхен-Хельфен собрал сведения из самых разных источников, классифицировал их и предложил свою трактовку мира гуннов, представил правдоподобный рассказ об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии этого воинственного племени.

Содержание

Предисловие 5
От автора 8
Глава 1 11
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Отто Менхен-Хельфен
История и культура гуннов

Otto J. Maenchen-Helfen
The World Of The Huns
Studies in Their History and Culture

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Перевод, издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2014

Предисловие

Лишь немногие ученые захотят рискнуть своей репутацией и возьмут на себя монументальную задачу исправления неправильных представлений о гуннах, а также народах, имевших с ними родственные связи, их союзниках или тех, кого с ними попросту путали. В основе лежат филологические проблемы воистину ошеломляющих размеров. Кроме того, требуется профессиональное знакомство с первоисточниками истории многих периодов и восточной и западной цивилизации. Ну и, наконец, необходимо уравновешенное воображение, сдержанность и осторожность, чтобы достойно справиться с неправдоподобиями, противоречиями и предрассудками, которых немало в этой области. Профессор Калифорнийского университета Отто Менхен-Хельфен занимался исследованиями мира гуннов много лет и отличался от других историков, изучавших Евразию, уникальной компетентностью в филологии, археологии и истории искусств.

В удивительном разнообразии его интересов можно убедиться, взглянув на список его публикаций, где есть Das Märchen von der Schwanenjungfrau in Japan («Сказка валькирии в Японии») и Le Cicogne di Aquileia («Аисты Аквилеи»), Manicheans in Siberia («Манихеи в Сибири») и Germanic and Hunnic Names of Iranian Origin («Германские и гуннские имена иранского происхождения»). Ему не приходилось ломать голову над идентичностью племен, народов или городов. Он всегда знал первоисточники – будь они греческими или русскими, персидскими или китайскими. Такая лингвистическая грамотность особенно необходима при изучении гуннов и их «родственников»-кочевников, поскольку название «гунн» применялось ко многим народам разного этнического характера, в том числе остготам, мадьярам и сельджукам. Даже древний кочевой народ хунну, живший к северу от Китая, не имевший никакого отношения к упомянутым выше племенам, его согдианские соседи именовали «гуннами». Менхен-Хельфен был знаком с китайскими источниками, касающимися народа хунну, и мог составить обоснованное мнение об их связи с европейскими документами, касающимися гуннской истории.

Его исключительная филологическая компетентность также помогла ему относиться к кочевникам, о которых говорится в обрывках старых манускриптов, как к реальным людям, описать их экономику, социальное расслоение, виды транспорта и способы ведения военных действий, религию, фольклор, искусство. Он сумел создать правдоподобный рассказ о предшественниках турок и монголов, свободный от традиционных западных предрассудков и лингвистических ограничений.

Менхен-Хельфен также обладал глубочайшими познаниями в истории азиатского искусства, которую он изучал на протяжении многих лет. Он был знаком с новейшими археологическими открытиями и знал, как соотнести их с доступными, но часто неявными филологическими свидетельствами.

Чтобы обозначить отличительные черты искусства народа, такого эфемерного, ускользающего, как гунны, необходимы знакомство с множеством разрозненных археологических находок в евразийских степях и умение отделить источники о гуннах от сравнимой совокупности материалов о соседних цивилизациях. Достаточно привести только один замечательный пример успешного решения ученым таких трудных проблем, как описание технической и стилистической связности разных металлических предметов из гуннских гробниц в самых разных, удаленных друг от друга местностях, а также развенчание широко распространенного мифа о том, что гунны якобы не были знакомы с металлообработкой.

Археологические свидетельства также играют первостепенную роль в определении происхождения гуннов, географии их расселения в древности и раннем Средневековье, степени проникновения в Восточную Европу и места их входа на Венгерскую равнину. Менхен-Хельфен точно знал, как интерпретировать находки в гробницах и кучах мусора для выдвижения гипотез о переселении народов. «Он верил в лопату, но его инструментом была ручка», – как-то сказал он о другом ученом. Это определение как нельзя лучше подходит и самому Менхен-Хельфену. Судя по похоронным обычаям гуннов и их союзников, гуннское оружие в основном производилось на востоке и оттуда передалось на запад, а распространение подвесных зеркал, найденных вместе с искусственно деформированными черепами, – гуннская практика – доказывает, что гунны проникли в Венгрию с северо-востока. Обнаружение меча такого же типа, как в Альтлусхайме, в Барнауле (теперь меч находится в Эрмитаже), – мощный аргумент в пользу гипотезы Менхен-Хельфена о восточных корнях этого оружия. Менхен-Хельфену удалось пролить свет на цивилизацию одного из самых малоизвестных, призрачных народов раннего Средневековья.

Рассказ Менхен-Хельфена начинается in medias res[1] с того, что он отдает дань уважения и восхищения замечательному римскому историку Аммиану Марцеллину, взгляд которого на гуннское вторжение, несмотря на предрассудки, был во многих отношениях яснее, чем взгляды западных исследователей. Начало может показаться неожиданным и даже резким, но автор, вероятно, хотел, чтобы окончательная версия его книги начиналась именно с такой необычной оценки основного текста. Тем самым он желал подчеркнуть необходимость острой и обоснованной критики трудов по истории гуннов. С самого начала этот народ был опорочен и демонизирован (это его собственный термин) европейскими хронистами. Его олицетворением стали безликие орды варваров с востока, вечный источник опасности, по отношению к которому всегда необходимо было проявлять бдительность. Но происхождение и личности этих людей считались неважными. Основная часть настоящей книги посвящена истории и цивилизации «собственно гуннов», таких знакомых и в то же время совершенно незнакомых европейцам (здесь мы намеренно используем слово «цивилизация», поскольку существующие рассказы об этих людях имеют тенденцию представлять их агентами разрушительных сил, «вандалами», проливающими кровь на обломках некогда могучей Римской империи; Менхен-Хельфен видел их другими).

Текст полон реалий повседневной жизни гуннов. У Менхен-Хельфена не было необходимости делать обобщения (то есть выдвигать необоснованные гипотезы). Но в то же время он не отдавал предпочтение мелочам в ущерб панорамным обзорам. Автор увидел и показал в своей книге эпический характер великой драмы, развернувшейся на европейской сцене в самом начале нашей эры, столкновения армий и взаимодействия цивилизаций. Это мас-

[1] В самую суть, прямо к делу (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

штабный и глубокий научный труд, который вряд ли кто-нибудь превзойдет в обозримом будущем.

Гуитти Азарпей
Петр А. Будберг
Эдвард Х. Шафер

От автора

В истории западного мира 80 лет власти гуннов были всего лишь эпизодом. Святые отцы, собравшиеся на IV Вселенский собор в Халкидоне, проявили величайшее безразличие к всадникам варваров, которые всего лишь в сотне миль от них разоряли Фракию. И оказались правы. Через несколько лет голову сына Аттилы пронесли в триумфальной процессии по главной улице Константинополя.

Некоторые авторы чувствовали себя обязанными оправдать свое изучение мира гуннов пространными рассуждениями об их роли в переходе от поздней Античности к раннему Средневековью. Они утверждали, что без гуннов Галлия, Испания и Африка не капитулировали бы перед германцами или сделали бы это, но не так быстро. Само существование гуннов на востоке Центральной Европы якобы задержало феодализацию Византии. Возможно, это – правда, но, может быть, и нет. Но если бы историческое явление считалось достойным нашего внимания только в том случае, если оно оказало определяющее влияние на то, что последовало за ним, тогда ацтеки и майя, вандалы в Африке, бургунды, альбигойцы и королевства крестоносцев в Греции и Сирии были бы стерты с таблиц покровительницы истории Клио. Сомнительно, что Аттила «делал историю». Гунны исчезли, как авары, «сгинули, как обры» – так писали древние русские хронисты о народах, исчезнувших навсегда.

Поэтому представляется странным то, что гунны даже по прошествии пятнадцати столетий вызывают столько эмоций. Благочестивые души до сих пор содрогаются, когда слышат об Аттиле, Биче Божьем, а немецкие университетские профессоры в своих мечтах восторженно следуют за гегелевским «мировым духом» на лошади. Их можно обойти вниманием. Но некоторые турки и венгры все еще громко поют хвалебные песни во славу своего великого предка, умиротворившего мир, и Ганди – все в одном. Самыми страстными противниками этого кочевого народа являются русские ученые. Они проклинают гуннов так, словно те бесчинствовали на Украине только вчера. Некоторые ученые в Киеве так и не смогли простить грубого уничтожения «первой процветающей славянской цивилизации».

Такая же яростная ненависть сжигала Аммиана Марцеллина. Он, как и другие писатели IV и V вв., изображали гуннов дикими монстрами, что мы можем видеть и сегодня. Из-за ненависти и страха представляли гуннов в ложном свете с тех самых пор, как они впервые появились в низовьях Дуная. Подобную тенденциозность можно понять, хотя трудно объяснить, а литературные свидетельства следует перечитать заново. С этого и начат настоящий труд.

В главах, касающихся политической истории гуннов, не просто излагаются события. Рассказ о рейдах Аттилы в Галлию и Италию нет необходимости повторять – его можно прочитать в любом учебнике истории, посвященном упадку Римской империи. Так что в дальнейшем будем считать, что читателю он известен, по крайней мере в общих чертах. Однако многие проблемы ранее не рассматривались, и немало ошибок было допущено Бьюри, Зееком и Штейном. Это утверждение никак не повлияло на статус сих маститых ученых, поскольку гунны никогда не были в центре их интересов. Но подобные недостатки свойственны и книгам, в которых гуннам уделено больше внимания, и даже монографиям. Первые 40–50 лет истории гуннов рассматриваются весьма поверхностно. Конечно, документальных источников немного, но все же не так мало, как некоторые считают. К примеру, о вторжении в Азию в 395 г. существует изобилие сирийских источников. Некоторые вопросы, поставленные правлением Аттилы, навсегда останутся без ответа. На другие, однако, источники дают односторонние ответы. Изучение мира гуннов, по большей части, опиралось на нелитературные источники, и так было у Гиббона и Тиллемона. Обсуждение хронологии может зачастую испытывать терпение читателя, но с этим ничего не поделаешь. Евнапий,

который в своих «Исторических записках» тоже писал о гуннах, как-то спросил, какое влияние на историческую науку имеет знание того, что сражение при Саламине было выиграно эллинами при восходе Сириуса. Евнапий имеет учеников и среди наших современников, и, возможно, их даже больше, чем когда-либо. Остается только надеяться, что Бог милует нас от историка, которому будет все равно, был Пёрл-Харбор до или после вторжения в Нормандию, потому что «в высшем смысле» это не имеет значения.

Во вторую часть настоящей книги вошли научные исследования об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии гуннов. От предшествующих изысканий эти работы отличает широчайшее использование археологического материала. В своей книге «Аттила и гунны» (Attilla and the Huns) Томпсон отказывается обращать на него внимание, а то немногое, на что ссылается Альтхайм в «Истории гуннов» (Geschichte der Hunnen), он знает из вторых рук. А между тем материала – в русских, украинских, венгерских, китайских, японских и, с недавнего времени, монгольских публикациях – море. В последние годы археологические исследования велись с такой скоростью, что мне пришлось, работая над публикациями о них, постоянно менять свои взгляды. Монументальный труд Вернера по археологии империи Аттилы, опубликованный в 1956 г., уже во многом устарел. Я полагаю и надеюсь на то, что то же самое через 10 лет можно будет сказать и о моих исследованиях.

* * *

Хотя я хорошо понимаю опасности, которые таятся в поиске параллелей между гуннами и другими кочевниками евразийских степей, признаюсь, что мои взгляды в определенной, надеюсь, не чрезмерной, степени сформировались под влиянием опыта, полученного мной во время общения с тувинцами Северо-Западной Монголии, среди которых я провел лето 1929 г. Они были в то время самым примитивным тюркоговорящим народом на границе Гоби.

Возможно, меня станут критиковать за то, что я уделил слишком мало внимания тем, кого Роберт Гёбл назвал иранскими гуннами: кидары, белые гунны, эфталиты, хуна. Обсуждая термин «гунн», я не мог не размышлять об этих названиях, но дальше этого не пошел. Литературы о данных племенах – или народах – очень много. Они находятся в центре «Истории гуннов» Альтхайма, хотя тот практически игнорирует нумизматические и китайские свидетельства, над которыми Еноки работал много лет. Труд Гёбла «Документы по истории иранских гуннов в Бактрии и Индии» (Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien) является самым глубоким исследованием их монет и печатей и, на основе этого, их политической истории. И все же остаются проблемы, в решение которых я не смог внести значимого вклада. У меня нет ни лингвистических, ни палеографических знаний, чтобы судить о правильности разных, зачастую совершенно непохожих, объяснений происхождения монет. Но даже если когда-нибудь ученые, работающие с этим не поддающимся пониманию материалом, придут к единому мнению, результат будет сравнительно скромным. Mihirakula и Toramana останутся просто именами. Нет ни поселения, ни захоронения, ни кинжала или обломка металла, которые могли бы быть приписаны им или любым другим иранским гуннам. Пока недостаточные и противоречивые описания их жизни не будут в значительной степени дополнены археологическими находками, знатоки гуннов Аттилы с благодарностью примут то, что им могут предложить эксперты по так называемым иранским гуннам, но мало что из этого может быть использовано для серьезных исследований. Недавно обнаруженный настенный рисунок в Афросиабе, древнем Самарканде, судя по всему, является первым лучом света в темноте. Будущее в изучении эфталитов находится в руках советских и, полагаю, китайских археологов.

Я отдаю себе отчет в том, что некоторые главы моей книги читать трудно. Например, глава о гуннах после смерти Аттилы привлекает внимание к событиям вроде бы незначительным, к людям, кажущимся не более чем тенями. От германских саг она перескакивает к духовным проблемам в Александрии, от иранских имен давно забытых вождей к землетрясению в Венгрии, от жрецов Исиды в Нубии к Мидл-стрит в Константинополе. За это я не стану приносить своих извинений. Некоторые читатели определенно сочтут соединение разрозненных частей головоломки таким же захватывающим, каким оно показалось мне. И я легкомысленно признаюсь в художественном гедонизме, который лично для меня является далеко не последним стимулом для увлечения Средневековьем. А чтобы успокоить тех, кто с нечистой совестью называет то, что они делают, Историческими Исследованиями – именно так, с прописных букв, – скажу следующее: я не понимаю, почему история, скажем, Нижней Калифорнии заслуживает больше уважения, чем прошлое балканских гуннов в 460-х гг. Sub specie aeternitatis[2] – и те и другие канули в небытие.

А. Франс в своем романе «Суждения господина Жерома Куаньяра» привел чудесный рассказ о юном принце Земире, который приказал своим мудрецам написать историю человечества, так что он, просвещенный опытом прошлого, сможет допускать меньше ошибок, став монархом. Через 20 лет мудрецы явились к принцу, к тому времени уже королю. За ними шел караван из двенадцати верблюдов, каждый из которых нес 500 томов. Король потребовал более короткую версию. Мудрецы вернулись еще через 20 лет только с тремя навьюченными верблюдами. Но и это короля не устроило. Прошло еще 10 лет, и мудрецы привели одного вьючного слона. Еще через 5 лет мудрец пришел с одной большой книгой, которую вез ослик. Король уже был на смертном одре, но он не хотел умереть, так и не узнав истории людей, и попросил мудреца изложить ее очень коротко. Мудрец ответил, что для этого, по сути, достаточно трех слов: *они рождались, страдали и умирали.*

Король, не имевший желания изучать бесчисленные тома, был по-своему прав. Но пока люди, возможно, по глупости хотят знать, «как это было», будут существовать книги, подобные той, что вы держите в руках. Dixi et salvavi animam meam[3].

[2] С точки зрения вечности (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[3] Я сказал и тем спас свою душу (*лат.*). (*Примеч. пер.*).

Глава 1
Литературные свидетельства

Глава о гуннах, написанная римским историком Аммианом Марцеллином (330–400), является бесценным документом[4]. Она вышла из-под пера величайшего, по словам Штейна, литературного гения, которого мир узнал между Тацитом и Данте, и является также стилистическим шедевром. Безусловное превосходство Аммиана над другими авторами того времени, которые также не могли не упоминать о гуннах, становится очевидным из их описаний первого появления диких орд в северных балканских провинциях. Они повествуют в весьма скупых выражениях, что готы были вытеснены с насиженных мест гуннами, некоторые добавляют историю о самке оленя, которая проводила гуннов через киммерийский Босфор. И все. Они и не думали исследовать причины катастрофы Адрианополя, того ужасного дня 9 августа 378 г., когда готы уничтожили две трети римской армии. Иначе они бы обнаружили, что начало и источник, по словам Аммиана, всех крушений и несчастий – это события, имевшие место за Дунаем еще до того, как готы были допущены в империю. Они даже не пытались узнать, кто такие гунны, как они жили и сражались.

Мнение Аммиана интересно сравнить со следующим отрывком из книги VII труда «История против варварства» знаменитого историка-теолога Павла Орозия, расцвет деятельности которого пришелся на 415 г., а сам он был учеником святого Августина: «В тринадцатый год правления Валента, то есть некоторое время спустя как Валент начал по всему Востоку терзать церкви и убивать святых, этот корень наших несчастий дал обильнейшую поросль. Ибо ведь народ гуннов, долго живший за неприступными горами, охваченный внезапной яростью, воспламенился против готов и, приведя их в полное смятение, изгнал их с прежних мест поселения. Бежавшие готы, перейдя Дунай, были приняты Валентом без всякого заключения договора. Они даже не отдали римлянам оружие, чтобы чувствовать себя с ним в большей безопасности. Потом из-за нестерпимой жадности полководца Максима готы, принужденные голодом и несправедливостью взяться за оружие, разбив войско Валента, разлились по Фракии, наполняя все вокруг убийствами, пожарами и грабежами».

Если арианская ересь Валента была корнем всех зол, а нападение гуннов на готов – лишь следствием, тогда заниматься изучением гуннов – впустую тратить время и усилия. Существовала даже опасность того, что, глядя с очень близкого расстояния на gesta diabolic per Hunnos[5], можно упустить из виду самого дьявола. Орозий обратил внимание только на сверхъестественные силы – Бога или демонов. Его не интересовало, что предшествовало событию или какими являлись его последствия, если это нельзя было использовать для теологических уроков. В общем, Орозий и все христианские авторы Запада не проявили интереса к гуннам. Аммиан назвал сражение при Адрианополе другими Каннами. Он не сомневался, даже когда казалось, что все потеряно: каждый Ганнибал найдет своего Сципиона, убежденного, что империя будет существовать до скончания веков: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока» (His ego nec metas rerum nex tempora pono: imperium sine fine dedi)[6]. Среди христиан Руфин был единственным человеком, который мог сказать, что поражение при Адрианополе стало началом бедствия для Римской империи, тогда и с тех пор. Другие видели в этом всего лишь триумф ортодоксальности и в красках описывали гибель

---

[4] Описание исторического и культурного фона см. в главе 12, написанной Полом Александером. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

[5] Деяния дьявола через гуннов (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[6] *Вергилий.* Энеида.

проклятого еретика Валента. Орозий посчитал смерть неудачливого императора доказательством единственности Бога.

Демонизация

Возможно, отсутствие интереса к гуннам объяснялось и другой причиной: они были демонизированы. Когда в 364 г. Иларий из Пуатье предсказал пришествие Антихриста в рамках одного поколения, он повторил то, что, должно быть, думал на протяжении двух лет правления Юлиана. Но с тех пор Христос одержал верх, и только такой упрямый фанатик, как Иларий, мог увидеть в отказе императора сместить арианского епископа знак приближающегося конца света. Даже те, кто все еще были приверженцами хилиазма доконстантиновской церкви и считали Божественные установления (Divinae institutions) Лактанция своим путеводителем в будущее, не ожидали, что вскоре услышат своими ушами звуки трубы архангела Гавриила («Падение и уничтожение мира скоро будет иметь место, но, судя по всему, ничего подобного не произойдет, пока стоит Рим»).

Все изменилось в начале 378 г. Италия не подвергалась нашествию варваров со времени правления императора Аврелиана (270–275). Теперь она внезапно оказалась под угрозой «нечистого и жестокого врага». Паника распространилась по городам; поспешно возводились импровизированные укрепления. Амвросий, недавно потерявший своего брата Сатира, нашел утешение в мысли о том, что он был «взят из жизни для того, чтобы не попал в руки варваров… чтобы не видел руин всей земли, конца мира, похорон родственников, смерти сограждан». Это было время, предсказанное пророками, «когда они поздравляли мертвых и оплакивали живых» (gratulabantur moritus et vivos plangent). После Адрианополя Амвросий чувствовал, что «на нас надвигается конец мира». Повсюду война, чума и голод. Последний период мировой истории близился к завершению: «Мы живем на закате века»[7].

В последней декаде IV столетия эсхатологическая волна захлестнула Запад от Африки до Галлии. Антихрист уже родился, и скоро он взойдет на трон империи[8]. Еще три поколения, и будет возвещено о приходе нового тысячелетия, но не раньше, чем бесчисленные множества погибнут в ужасах, этому предшествующих. Час суда приближается, знаки, на это указывающие, становятся яснее с каждым днем.

Гоги и магоги (Иез., 38: 1-39: 20) надвигались с севера. Начальные буквы этих слов, по словам Августина, который сам отвергал такие отождествления, навели некоторых людей на мысль, что это геты (готы) и массагеты. Амвросий принял готов за гогов. Африканский епископ Кводвультдеус не смог решить, должен ли он идентифицировать магогов как мавров или как массагетов. Почему, собственно, массагеты? В V в. не было никаких массагетов. Однако, учитывая, что Темистий (Фемистий), Клаудий и позднее Прокопий называли гуннов массагетами, представляется вероятным, что те, кто идентифицировал магогов с массагетами, на самом деле имели в виду гуннов. В Талмуде, где гот – это гог, магог – «страна кантов» – царство белых гуннов.

Иероним не разделял хилиастских страхов и ожиданий своих современников. Придавая новую форму труду Викторина Петавийского Commentary on the Revelation, он заменил последнюю часть, полную хилиастских идей, отрывками из Тихония. Но когда в 395 г. гунны вторглись в западные провинции, он также стал опасаться, что «римский мир рушится» и конец Рима означает конец всего. Четыре года спустя, все еще пребывая под впечатлением катастрофы, он уже видел в гуннах дикарей, удерживаемых за Кавказскими горами

[7] *Rauschen*, 1897. 494; *Palanque*, 1935. 534, 535; *Dudden*, 1925. 693.

[8] «Нет никакого сомнения, что Антихрист уже родился; он очень рано твердо встал на ноги и после возмужания достигнет верховной власти».

железными воротами Александра. Ferae gentes – это гоги и магоги из легенды об Александре. Иосиф Флавий (37/8-100), который первый заговорил о железных воротах Александра, считал скифов магогами. Иероним, бывший его последователем, идентифицировал скифов Геродота как гуннов и таким образом неявно приравнял гуннов к магогам. Орозий сделал то же самое; его «неприступные горы», за которыми гунны оказались заперты, были теми, где Александр построил стену для удерживания гогов и магогов. В VI столетии Андрей из Кесарии в Каппадокии все еще придерживался мнения, что гоги и магоги были теми скифами с севера, «названными нами гунника». Если даже сдержанный Иероним некоторое время был склонен видеть в гуннах спутников апокалиптических всадников, можно представить, что чувствовали суеверные массы.

После 400 г. хилиастские страхи несколько ослабли. Однако за гуннами продолжал стоять дьявол. Любопытный рассказ Иордана об их происхождении почти наверняка основан на христианской легенде о падших ангелах. Нечистые духи «даровали свои объятия колдуньям и породили эту дикую расу». Гунны не были людьми, похожими на другие народы. Эти страшные люди – огры (ogre – Hongre = Hungarian – венгры), обитавшие на пустынных равнинах за границами христианского мира, откуда они неоднократно наступали, чтобы приносить смерть и разрушение верующим, были отпрысками daemonia immunda. Даже после падения царства Аттилы людей, которые произошли от гуннов, считали союзниками дьявола. Они окружали своих врагов тьмой. Авары, которых Григорий Турский назвал чуни, «искусные в волшебных хитростях, заставляли их, то есть франков, видеть иллюзорные образы и полностью победили их» (magics artibus instructi, diversas fantasias eis, i. e., Francis ostendunt et eos valde superant).

Можно с уверенностью утверждать, что одна только такая демонизация не помешала бы латинским историкам и религиозным писателям изучать гуннов и описывать их, как это сделал Аммиан. Тем не менее запах серы и жар адского пламени, сопутствующие гуннам, отнюдь не благоприятствовали историческим исследованиям.

Отождествления

Какими восточные авторы видели гуннов? Можно было бы ожидать, что греческие историки сохранили по крайней мере толику этнографического любопытства Геродота и Страбона. Но то, что мы имеем, не может не разочаровывать. Вместо фактов они предлагают нам отождествления. Латинские хронисты V в., называя гуннов своим собственным именем, не так руководствовались желанием быть точными, как были вынуждены основываться на фактах из-за незнания литературы. Они почти ничего не знали о скифах, киммерийцах и массагетах, чьи названия греческие авторы постоянно меняли на гуннов. Однако даже в те времена, когда существовала латинская литература, достойная своего славного прошлого, латинские писатели – и прозаики, и поэты – остерегались околичностей и отождествлений, в которых погрязли греки. Авсоний редко упускал возможность показать, насколько он начитан, тем не менее он воздерживался от замены настоящих названий варваров, с которыми сражался Грациан, теми, что были ему известны из Ливия и Овидия. Амвросий тоже избегал употребления архаических и ученых слов. Гунны, а не массагеты напали на аланов, которые бросились на готов, а не скифов. У Амвросия, бывшего consularis, римская трезвость и антипатия к спекуляциям была такой же живой, как у Авсония, ритора из Бордо. Сравнение панегирика Феодосию Паката с речами Темистия является разоблачающим. Галлы называли гуннов их названием, греки именовали их массагетами.

Как и на Западе, многие восточные авторы не испытывали интереса к захватчикам. К ним относились как к бандитам и дезертирам и называли их скифами – это название в IV и V вв. давно утратило свое специфическое значение. Оно широко применялось ко всем

северным варварам, независимо от того, были они кочевниками или крестьянами, говорили на германском языке, иранском или любом другом. Тем не менее в словаре образованных людей слово удержало, хотя и в ослабленном варианте, часть своего первоначального значения. Вызванные им ассоциации должны были определить отношение к варварам. И временами совсем непросто решить, кого именно имеет в виду автор. Кто они: «царские скифы» Приска, доминирующее племя, как у Геродота, члены царского клана или просто представители знати? Недостаточно сказать, что эта фраза – только один из нескольких примеров литературного долга Приска Геродоту. Это определенно так. Но было бы странно, если бы человек, который нередко использовал это и другие выражения великого историка, не поддался искушению видеть гуннов такими же, как древние видели скифов.

Греческие историки поставили знак равенства между гуннами и киммерийцами, скифами и другими народами прошлого не для того, чтобы продемонстрировать свое знание классиков или приукрасить повествования. Прежде всего они были убеждены, что нет народов, которых не знали бы мудрецы прошлого. И это, в свою очередь, в общем-то не являлось ограниченным традиционализмом – хотя он, конечно, присутствовал тоже – а, скорее, стало психологическим приемом, защитным механизмом. Синезий Киренский (370–412) в своем труде Address on Kingship («О царстве») объяснил, почему не может быть новых варваров.

Теперь, чтобы не допустить варваров из Азии или Европы в свой дом, не строят, как прежние правители, вокруг него высокую стену. Скорее собственными деяниями они настоятельно советуют этим людям отгородиться, пересекая Евфрат в погоне за парфянами и Дунай, преследуя готов и массагетов. Но сейчас эти нации сеют страх среди нас, тоже переправляясь через реки, принимая другие имена, и некоторые из них даже искусно изменяют собственную внешность, и получается, что на пустом месте вдруг появилась новая и незнакомая раса.

Тем самым тезис идентичности старых и новых варваров доводится до абсурда. Но что неоднократно повторяли римские генералы накануне сражений? Наши отцы победили их, теперь мы победим их снова. Таким образом, неизвестный нападающий лишается одной из своих самых пугающих черт: он становится известным, а значит, и не таким уж страшным.

В отождествлении гуннов и древних народов сыграли свою роль оба мотива – и эмоционально обусловленный reductio ad notum[9], и стремление образованных историков продемонстрировать свою эрудицию. Причем первый, по моему убеждению, является более второстепенным, чем обычно считают. С каким из известных народов автор отождествляет гуннов, зависит от объема информации, обстоятельств, при которых он работал, и предполагаемой или действительной одинаковости между известным и едва знакомым. Результат неизменно был одним и тем же. Все размышления о происхождении гуннов заканчивались отождествлением.

Филосторгий в труде Ecclesiastical History, написанном между 425 и 433 гг., «узнает» в них невров. Образованный и начитанный человек, он, по-видимому, отыскал ныне утраченное описание невров, которое совпало с его знаниями о гуннах. Можно подумать, что Филосторгий, не столь критично настроенный, как Геродот, верил в истории об оборотнях, коими считались невры. Синезий и Иероним, вероятно, являлись не единственными, кто сравнивал гуннов с волками. И не было ничего необычного в том, что Филосторгий идентифицировал зверствовавших гуннов с оборотнями Скифии. Но самое вероятное объяснение верования – местоположение невров. Они были самым северным народом, гунны пришли с дальнего севера, значит, гунны есть невры. Сказать, что они жили вдоль Рифейских гор, как это сделал Филосторгий, – всего лишь другой способ поместить их как можно дальше

[9] Возвращение к знакомому (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

на север. После легендарного Аристея Рифейские горы считались регионом вечных снегов, домом ледяных бореев.

Идентификация гуннов с киммерийцами Прокопия не лучше и не хуже его заявления, что готы, вандалы и гепиды в прежние времена назывались сарматами. Обычно Прокопий, как и Теомистий и Клавдиан, ставили знак равенства между гуннами и массагетами. Более поздние византийские авторы уверенно повторяли формулу: прежний Х, теперешний У.

И наконец, есть историк Евнапий из Сарда (345–420). Приведенный ниже фрагмент из его труда (по мнению А. А. Васильева) показывает, какой это был добросовестный и честный историк: «Хотя никто нам не говорил, откуда взялись гунны и каким путем они наводнили всю Европу и вытеснили скифские народы, в начале моей работы, ознакомившись с рассказами древних авторов, я изложил факты, которые показались мне достоверными, так чтобы мой труд не зависел только от вероятных утверждений и не отклонился от истины. Мы не похожи на тех, кто с раннего детства живут в маленьком и бедном домике и позднее, благодаря счастливому случаю, получает великолепные дворцы, но все равно, по привычке, любит старые вещи и заботится о них. Мы скорее напоминаем тех, кто сначала использует одно лекарство для лечения телесного недуга, в надежде на помощь, но потом находит лучшее лекарство и начинает пользоваться им, не для нейтрализации действия первого лекарства, но чтобы исправить ошибочное суждение и, если можно так сказать, ослабить свет лампы лучом солнца. Подобным образом мы добавим более правильное свидетельство к сказанному выше, оставив прежний материал, как историческую точку зрения, используя которую с добавлением последних материалов можно установить истину»[10].

Все эти разговоры о лекарствах и зданиях, помпезные заявления о том, что он собирается написать о гуннах, – не более чем пустой звук. Описание гуннов Евнапия сохранено у Зосимы. Оно показывает, каким пустословом был якобы добросовестный историк. Одну его часть Евнапий списал у Аммиана Марцеллина, другая – та, где он собрал рассказы древних авторов, – нелепая мешанина. Евнапий называет гуннов народом прежде неизвестным, а уже в следующей строчке предлагает идентифицировать их с царскими скифами Геродота. В качестве альтернативы он упоминает о «курносых и слабых людях, которые, как утверждает Геродот, живут возле Истра [Дуная]». Совершенно очевидно, что он имел в виду Геродота, но переделал коней Сигиннов, «курносых и неспособных везти людей» в «курносых и слабых людей».

Аммиан Марцеллин

На фоне безразличия, предрассудков и спорных отождествлений описание гуннов, данное Марцеллином, невозможно переоценить. Правда, Ростовцев назвал его «не вполне реалистичным». Чтобы его должным образом оценить, следует принять во внимание обстоятельства, при которых оно было написано, источники информации Аммиана и его восхищение styli veteres.

Вероятнее всего, он закончил работу зимой 392/93 г., иными словами, в то время, когда опасность войны между двумя частями империи неуклонно возрастала. В августе 392 г. могущественный генерал Арбогаст провозгласил Евгения императором Запада. Какое-то время Феодосий, вероятно, пребывал в нерешительности. Надо полагать, он считал правильным прийти к соглашению с узурпатором, который превосходил его в военном оснащении. Но когда он назначил не Евгения, а одного из своих генералов на консульство вместе с собой, а 23 января 393 г. объявил своего сына Гонория Августом, стало ясно, что он пойдет войной на Евгения, как и на Максима в 388 г. Не может быть сомнений в том, что симпатии Амми-

[10] Перевод А. А. Васильева.

ана, который всегда был поклонником Юлиана, были не на стороне христианского фанатика Феодосия, а принадлежали образованному язычнику Евгению. Аммиан, должно быть, с ужасом взирал на армию Феодосия, которая являлась римской только по названию. Хотя невозможно доказать, что император был обязан своей победой над Максимом безрассудно смелой гуннской кавалерии, они определенно сыграли решающую роль в кампании. Конники Феодосия «неслись по воздуху на Пегасах»; они не скакали, а летели. Никакие другие войска, кроме гуннских, не могли преодолеть 60 миль от Эмоны до Аквилеи за один день. Аммиан имел все основания опасаться, что в явно неизбежной войне большая часть восточной армии будет снова состоять из гуннов. Так и вышло.

Аммиан ненавидел варваров, даже тех, которые отличились на службе Рима[11]. Он называл галльских солдат, которые храбро сражались с персами при Амиде, dentatae bestiae[12], и завершил свою работу восхвалением Юлию, magister militia trans Taurum[13], который, узнав о готской победе при Адрианополе, приказал убить всех готов на своей территории. Но гунны были хуже. И Клавдиан, и Иордан вслед за Аммианом назвали гуннов «самыми мерзкими отпрысками севера», более свирепыми, чем сама свирепость. Даже «охотники за головами» – аланы – были по образу жизни и привычками не такими дикими, как гунны. После длительного общения с римлянами некоторые германцы стали более цивилизованными, но гунны оставались первобытными дикарями.

Повествование Аммиана не лишено предвзятости его информаторов. В какой-то момент до 378 г. он уехал в Рим, где, за исключением короткого промежутка в 383 г., провел всю жизнь. Конечно, нельзя не учесть возможности того, что он встречал там гуннов, но маловероятно, чтобы некий гунн, знающий в лучшем случае несколько латинских слов, мог рассказать Аммиану, как жил и сражался с готами его народ. Рассказ о войне на юге России и Румынии основан в основном на докладах, полученных Аммианом от готов.

Мундерих, который сражался с гуннами, позже dux limitis per Arabias[14], мог быть одним из его информаторов. Пожалуй, можно сказать, что Аммиан писал свое повествование с готской точки зрения. К примеру, он описал Германариха в высшей степени воинственным царем, которого боялись соседи из-за его многочисленных проявлений храбрости. Fortiter – это похвала, данная варвару Аммианом не просто так. Алатей и Сафракс были «опытными лидерами», известными своей храбростью. Аммиан называет не менее одиннадцати готских лидеров[15], но ни одного гунна. Они были безликой массой, ужасной и нечеловеческой.

Повествование Аммиана искажено ненавистью и страхом. Томпсон, который верит практически каждому его слову, соответственно, помещает гуннов второй половины IV в. на «более низкую ступень пасторализма». Он утверждает, что они жили в условиях ужасных трудностей, постоянно перемещались с пастбища на пастбище, занятые присмотром за стадами. Их железные мечи, возможно, были получены по бартеру или захвачены, поскольку «кочевники не обрабатывали металл». Томпсон утверждает, что даже после 80 лет контакта с римлянами производственные возможности гуннов оказались так малы, что они не могли изготавливать столов, стульев и кушеток: «Способы производства, доступные гуннам, были настолько примитивны, что это даже трудно вообразить». Такой невообразимо примитивной экономике соответствует столь же примитивная социальная структура, общество без классов и наследственной аристократии. Короче говоря, по Томпсону, гунны являлись аморфной

[11] *Ensslin*, 1923. 31–32.

[12] XIX. 6, 3. Зубастые звери (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[13] Военный магистр за Тавром (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[14] Глава военного округа в империи. (*Примеч. пер.*)

[15] Германарих, Витимир, Видерих, Алатей (Алафей), Сафракс (Сафрак), Атанарих, Мундерих, Лагариман, Алавив, Фритигерн, Фарнобий.

бандой мародеров. Даже советские ученые, которые до сих пор ненавидят гуннов, считая их убийцами своих славянских предков, отвергают идею о том, что экономика гуннов и их общество были примитивными.

Если бы гунны не умели ковать мечи и выплавлять наконечники для стрел, они бы никогда не переправились через Дон. Идея, что гуннский всадник добрался до стен Константинополя и до Марны, имея только выменянные по бартеру или захваченные мечи, абсурдна. Военные действия гуннов требовали в качестве предварительного условия далекоидущее разделение труда в мирное время. Аммиан усиленно подчеркивает отсутствие каких-либо строений в стране гуннов, и у читателя может сложиться впечатление, что последние круглый год спали под открытым небом. Лишь мимоходом автор упоминает о палатках и повозках. Возможно, многие могли поставить палатку, но лишь немногие могли построить крытую повозку – почти экипаж.

Отрывок, который более, чем какой-либо другой, показывает, что описание Аммиана нельзя слепо принимать на веру, цитируется и комментируется очень часто: Aguntur autemnulla severitate regali, sed tumultuarioprimatum ductu contenti, perrumpunt quidquid incident. («Они не подвержены царскому давлению, но довольствуются неорганизованным правительством, состоящим из важных для них людей, и под его руководством преодолевают все препятствия» (Дж. Рольф). Представляется не очень важным то, что это утверждение идет вразрез с рассказом Кассиодора-Иордана о войне между готами и Баламбером (Баламиром), царем гуннов, который впоследствии женился на Вадамерке, внучке готского правителя Винитария. Кем бы ни был Баламбер, Кассиодор ни за что не признал бы, что готская принцесса могла выйти замуж за мужчину менее значимого, чем царь. Более важным является противоречие между утверждением Аммиана и тем, что он сам говорил о деяниях гуннов. Хотя культурный уровень остготов Германариха и сплоченность его царства не следует переоценивать, его неожиданный крах под натиском гуннов был бы необъяснимым, если бы последние оказались всего лишь неорганизованной массой завывающих дикарей. Томпсон называет гуннов обычными мародерами и грабителями. В каком-то смысле он прав, но грабежи такого масштаба, как удавались гуннам, были бы невозможны без военной организации и командиров, планировавших кампании и координирующих действия атакующих, иными словами, без людей, отдающих приказы, и людей, их выполняющих. Альтхайм определяет tumultarius ductus[16] как eine aus dem Augenblick erwachsene, improvisierte Führung[17]. Это передает слова Аммиана лучше, чем «неорганизованное правительство» Рольфа. Между тем военные действия гуннов никогда не указывали на то, что можно назвать «импровизированным командованием».

Представляется вполне вероятным, что Аммиан на основании стремительности военных действий гуннов сделал вывод о том, что дикарей «приводит в движение не строгость царей». Он мог думать о том, что сказал Гиппократ об отваге европейцев, которые были более воинственными, чем азиаты, потому что не имели царей. «Где есть цари, там должны быть величайшие трусы. Души людей порабощены и отказываются с готовностью и безрассудно рисковать, чтобы увеличить власть кого-то другого. Но независимые люди, рискующие ради себя, а не ради других, с готовностью рискуют, поскольку именно они наслаждаются плодами победы» (De aere. Ch. 23; Loeb. 132–123).

В течение некоторого времени неправильное понимание гуннской наступательной тактики – неожиданное обманное бегство и возобновление атаки – было, скорее всего, неизбежным. Но Аммиан писал свои последние книги через 14 лет после Адрианополя. К этому времени он уже должен был знать или, по крайней мере, подозревать, что ранние сообщения

[16] Поспешное, стремительное командование (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[17] Сиюминутное, импровизированное командование (*нем.*). (*Примеч. пер.*)

об импровизированном командовании у гуннов являлись неправильными. Тем не менее он неуклонно придерживался их, потому что считал гуннов двуногими зверями, которые имеют только внешний вид человека. Он утверждал, что их метательные снаряды имеют острые костяные наконечники. Возможно, он в чем-то прав, но только все известные нам наконечники гуннских стрел сделаны из металла. Аммиан сделал исключение правилом.

Описывая гуннов, он использовал фразы и отрывки из более ранних авторов. Поскольку гунны, как и скифы прошлого, были северными варварами и поскольку древние авторы много и хорошо писали о ранних варварах, Аммиан, грек из Антиохии, решил, что лучшим решением будет их пересказ. Одним из авторов, которому он подражал, был историк Трог Помпей, современник императора Августа. Аммиан писал: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь… Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. Они покрывают тела одеждой, сшитой из шкур лесных грызунов» (Nemo apud eos arat nec slivam aliquando contingit. Omnes sine sedibus fixis absque lare vel lege aut ritu stabili dispalantur, semper fugientium similes… vagi montesperagrantes et silvass. Indumentis operiuntur ex pellibus silvestrium murum consarcinatis). Это, очевидно, сделано по образцу описания Трогом скифов: «Они не пашут поля. У них нет дома, нет крыши, нет определенного места жительства… Они кочуют по невозделанным просторам… используют шкуры диких животных и грызунов» (Neque enim agrum exercent. Neque domus illis ulla aut tectum aut sedes est… per incultas solitudines errare solitis. Pellibus ferinis ac murinis utuntur).

Можно возразить, что такое соответствие ни о чем не говорит, потому что образ жизни кочевников во всех евразийских степях был в конечном счете более или менее одинаковым. Но этого нельзя сказать о другом утверждении Аммиана, которое он тоже взял из более ранних источников. Он пишет: «… они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны». Аммиан искренне восхищался Трогом. Он прочитал описание парфян: «Все время они проводят на своих лошадях. Верхом они воюют, участвуют в пиршествах, занимаются общественным и личным бизнесом. Верхом они перемещаются, стоят спокойно, торгуют и беседуют» (Equis omni tempore vectanture; illis bella, illis convivial, illis publica official obeunt, super illos ire consistere, mercari, colloqui). Аммиан понял Трога совершенно буквально. «Все время» (omni tempore) он переделал в «день и ночь» (pernox et perdui), и потому гунны в его описании даже спят на лошадях.

Описание Аммианом привычек гуннов, связанных с едой, – это еще один пример его тенденции использовать то, что он читал в старых книгах. Он пишет: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть». Все это забавный пример хорошей наблюдательности и приверженности традициям. То, что гунны ели корни диких растений, – вполне возможно. Так поступают многие северные варвары. А вот данное Аммианом описание того, как кочевники грели сырое мясо на спинах лошадей, не выдерживает никакой критики. Это неправильно понятый другой обычай кочевых народов: гунны, скорее всего, прикладывали сырое мясо к ранам на спинах лошадей, вызванных давлением седел, для скорейшего излечения. Между прочим, в конце XIV в. баварский солдат некий Ганс Шильтбергер, который определенно ничего не слышал об Аммиане Марцеллине, сообщил, что татары Золотой

Орды во время быстрых переходов «брали сырое мясо, резали на тонкие кусочки, заворачивали в ткань, укладывали под седла и ехали на них. Проголодавшись, они съедали это мясо».

Фраза «Они так закалены, что питаются полусырым мясом всякого скота» («Ita victu sunt asperi, ut semicruda carne uescantur») взята у географа Помпония Мела (расцвет его деятельности – 40 г.), который описывал германцев: «Они так закалены и грубы, что едят даже сырое мясо» («Victu ita asperi incultique ut crudaetiam carne uescantur»). Говорят, что кимбры (кимвры) тоже ели сырое мясо. *Сыроядцы* – так русские называли татар – возможно, обозначает, что татары ели сырое мясо. В других источниках их называли сыроедцами. Как и многие северные народы, гунны действительно могли питаться сырым мясом. Аммиан, однако, идет на шаг вперед; он утверждает, что гунны вообще не готовили пищу на огне, что опровергается находкой больших медных котлов для приготовления пищи – одного из лейтмотивов гуннской цивилизации. Но Аммиан считал своим долгом сделать из гуннов варваров, находящихся на самой низкой ступени развития[18].

Все это вовсе не означает, что от повествования Аммиана следует отказаться, как от недостоверного. В нем содержится множество информации, которая неоднократно подтверждена как вполне надежная другими литературными источниками и археологическими свидетельствами. От Аммиана мы узнали, как выглядели гунны и как одевались. Он очень точно описал их лошадей, оружие, тактику и кибитки.

Кассиодор-Иордан

В своей гуннофобии Аммиана можно приравнять к Кассиодору (487–583). Утраченная «Готская история» (Gothic History) этого автора по большей части сохранилась в труде Иордана «Происхождение и деяния гетов» (The Origin and Deeds of Getae), который обычно называют «Гетика» (Getica). Но Кассиодор должен был объяснить, почему гунны смогли стать господами его героев, остготов, и править ими в течение трех поколений. Его гунны обладают нечестивым величием. Они жадный и жестокий, но смелый народ. Аттила – жестокий и сластолюбивый монстр, но не сделал ничего трусливого. Он был как лев. По Аммиану, гунны «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием» – эти слова Кассиодор скопировал. Но если Аммиан дальше пишет: «Чтобы тем задержать рост волос на зарубцевавшихся надрезах», то Кассиодор продолжает иначе: «Чтобы еще до того, как они получат молоко, младенцы научились терпеть раны».

Повествуя о ранней истории готов, Иордан повторяет Кассиодора, хотя не всегда дословно. Для правильной оценки готских традиций, связанных с борьбой против гуннов в Южной России, следует помнить, что они дошли до нас в несколько облагороженной, «цивилизованной» форме. В остготской Италии, должно быть, еще была жива память о великих войнах, которые велись плечом к плечу с гуннами и против них. Источниками Кассиодора были песни, cantus maiorum, cantiones, carmina prisca, а также рассказы, некоторые из которых были «почти такие, как это было в действительности» (pene storico ritu). При этом репе не следует воспринимать слишком серьезно. Кассиодор писал свою «Готскую историю», чтобы «вернуть фамилии Амал великолепие, принадлежащее ей по праву». Он писал для образованных римлян, чьи вкусы были бы оскорблены грубыми, жестокими и кровавыми аспектами ранней германской поэзии. Сравнение «Гетики» с «Историей лангобардов» Диа-

[18] Как даже такой внимательный наблюдатель, как Прокопий, пал жертвой традиционного представления, иллюстрируется двумя отрывками из его описания мавров. У них нет, утверждает он, «ни хлеба, ни вина, ни других хороших вещей [у Аммиана saporati cibi], но они берут зерно, пшеницу или ячмень, не варят его и не перемалывают в муку и едят его, как животные». Прокопий повествует о женщине из мавров, которая «раздробила зерно, сделала очень тонкую лепешку и бросила ее в горячую золу очага. Так мавры пекут свой хлеб».

кона показывает, до какой степени Кассиодор очистил традиции готских лордов от всех варварских черт.

Но это еще не все. Origo gentis Langobardorum – труд, написанный около 670 г. и ставший одним из источников Павла, полон языческих знаний. Более чем через 200 лет после обращения датчан в христианство старые божества, скудно замаскированные в древних королей, все еще бродили по страницам Saxo Grammaticus. В 530-х гг., когда Кассиодор писал свою историю, еще были живы люди, отцы которых, если не они сами, в юности приносили жертвы старым богам. Готские Heldenlieder (героические эпосы) были определенно такими же языческими, как у датчан и лангобардов. Исходный материал «прорывается» в одном отрывке из «Гетики», взятом у Кассиодора: «И по причине великих побед, которые готы одержали в этом регионе, они впоследствии назвали своих лидеров, благодаря удаче которых они победили, не просто людьми, а полубогами, то есть ansis». Даже здесь Кассиодор эвфемизировал предание. В других местах языческие элементы радикально исключены. Генеалогия Амалунгов, которая в carmina и fabulae была почти наверняка полна богами, богинями, убийствами и убийцами, читается как официальный документ.

Там, где, как в рассказе о войне между остготами и гуннами, в изложениях Аммиана и Кассиодора-Иордана есть отличия, правильной, безусловно, следует считать версию Аммиана. Мы не можем быть уверенными даже в том, что цитаты Кассиодора из Приска точны. Между тем, поскольку наша информация о гуннах основывается именно на этих цитатах, приходится принимать их такими, какие они есть. Время от времени (как, например, в истории об Аттиле и священном мече или в описании дворца Аттилы) Кассиодор передает текст Приска лучше, чем отрывки, которые писцы сделали для Константина Багрянородного в X в. И уже только за это мы должны быть благодарны сбивчивому, беспорядочному и плохо образованному Иордану. Тем не менее возвеличивать его до уровня величайшего историка, что несколько лет назад попытался сделать Джунта, – безнадежное предприятие.

Глава 2
История

От Дона до Дуная

Первые главы последней книги Аммиана Марцеллина содержат единственный сохранившийся последовательный рассказ о событиях на юге России, имевших место до 376 г. От готских информаторов Аммиан узнал, что народ гуннов, «воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов». Кто были эти люди, очевидно, никто не мог ему рассказать, и monumenta vetera (памятники старины) не давали никакой информации. Это были «неизвестные народы; нам неведомы даже названия их, не то что обычаи». Практическая информация Аммиана начинается с нападения гуннов на аланов. Гунны захватили территории аланов, граничившие с остготами, которых обычно называли танаитами – донскими народами (Танаис – Дон, есть еще город с одноименным названием на Дону).

Эту фразу можно трактовать по-разному. Как далеко на восток и запад тянулись территории донских народов? В одном отрывке Аммиан поселяет всех аланов – включая танаитов – «на неизмеримое пространство скифской пустыни», но только для того, чтобы несколькими строчками ниже заявить, что аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен и их разделяет Дон. Гревтунги – остготы были западными соседями танаитов. Но в другом отрывке Аммиан помещает уже савроматов, а не гревтунгов, между Доном и Дунаем, а еще в одном (после труда Птолемея «География» (V. 9, 1) также к востоку от Дона.

У Аммиана обнаруживается некий литературный атавизм – стремление сваливать в одну кучу новую информацию и старую. В главе, посвященной аланам, в книге XXXI содержится пространное описание народов, которых аланы «подчинили себе в многочисленных победах и распространили на них свое имя», причем автор обещает прояснить противоречащие друг другу мнения географов и рассказать правду. На деле же он предлагает странную мешанину цитат из Геродота, Плиния и Мелы, называя гелонов, агафирсов, меланхленов, антропофагов, амазонок и сиров (серов), словно все они еще жили в его время.

Гунны схлестнулись с аланскими племенами в районе Дона. Это, пожалуй, все, что мы можем извлечь из рассказа Аммиана. Если бы автор использовал термин «танаиты» так, как это делал Птолемей, тогда донские люди жили бы в европейской Сарматии. Но река никогда не была границей между полукочевыми племенами скотоводов, и определенно не являлся таковым спокойный Дон. Археологические свидетельства неоспоримы. В IV в. сарматы пасли свои стада и восточнее Дона до Волги и даже за ней, и к западу от реки до равнин Румынии. Где именно напали гунны, установить невозможно, но можно предположить, что, как и более поздние завоеватели, они действовали в низовьях реки.

Рассказ Аммиана о союзе между группой или группами аланов и гуннов невозможно подвергнуть сомнению. В 370-х и 380-х гг. гунны и аланы так часто упоминаются вместе, что некий союз или сотрудничество между ними представляется весьма вероятным даже без следующего утверждения Аммиана: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха.

В течение долгого времени[19] царь гревтунгов делал все возможное, чтобы прочно держаться на месте, но, когда пошли слухи, преувеличивавшие степень надвигающейся опасности, он убил себя.

Витимир, избранный после его кончины королем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их, и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию».

Версию Аммиана опроверг хорватский ученый Л. Хауптман, который считал, что или Аммиан совершил грубую ошибку, или его текст был искажен. Он был уверен, что Витимир сопротивлялся не аланам, а гуннам. При этом Хауптман ссылался на Иордана, по версии которого единственными врагами остготов были гунны. Однако компиляция Иордана тенденциозна от начала до конца. Он не только сохранил изменение ранней истории готов, каким обнаружил его у Кассиодора, но также изменил то, что читал у Аммиана, в пользу аланов. Они были, писал Аммиан, Hunis per omnia suppares (XXXI. 2, 21); у Иордана в «Гетике», 126, это изменено на pugna pares. По Аммиану, аланы были в сравнении с гуннами victu mitiores et cultu. Иордан заменил mitiores на dissimiles, а cultu на humanitate. Он прочитал у Аммиана, что аланы напали на остготов после смерти Германариха, что вписывалось в изображение благородных аланов, и он сей факт исключил.

О сражениях между аланами и готами пишет и миланский епископ Амвросий (374–397). В труде Exposito evangelii secundum Lucam, написанном, вероятно, в конце 378 г., он обобщил события, приведшие к катастрофе Адрианополя:

> «Гунны набросились на аланов, аланы на готов, а готы на тайфали и сарматов; готы, изгнанные с собственной земли, сделали нас изгнанниками в Иллирии, и это еще не конец».

Информация, полученная Амвросием в Милане, была не вполне правильной. Царство Германариха рухнуло под натиском гуннов. Но свидетельства Аммиана и Амвросия не оставляют сомнений в том, что некогда имела место долгая борьба и главными врагами готов являлись, конечно, аланы. Но это были единственные аланы, заключившие союз с гуннами? Возможно. А следующая странная история, рассказанная Иорданом, сохранила смутные сведения о восстании групп аланов *внутри* остготского царства: «Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменнический уход от ее мужа король, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту землю остготов».

Если Сунильда, безусловно, германское имя, то происхождение имени Сар от готского *sarwa* (оружие, броня), а имени Аммий от готского *hama* (вооружаться) представляется неубедительным. Нет и удовлетворительной этимологии росомонов. Сар позднее встречается как имя гота, но это не обязательно делает Сара из росомонов готом. Это имя можно сравнить с именем Сарозий или Сарой, который около 500 г. был царем аланов на Кавказе. Саракос из надписи из Танаиса (начало III в.), вероятно, произошло от сарматского

[19] Война между гуннами и остготами, обычно датируемая 375 г., на самом деле датировке не поддается.

слова, соответствующего авестийскому sara-, осетинскому sär-, «голова». Сар может означать «капитан». Сафракс и Лагариман, знаменитые вожди готов, носили иранские имена; они могли быть аланами. Хотя невозможно доказать, что росомоны являлись мятежными аланами, отступление аланского племени в то время, когда напали на остготов, представляется более вероятным, чем предательство готской знати.

Почти наверняка concordia (согласие) с крупными группами аланов дала возможность гуннам выступить против Германариха. Аммиан не пишет, каковы были условия союза. Если учесть, что аланы, которые в 418 г. подчинились patrocinium (покровительство) царя вандалов, сохранили свою племенную организацию до конца царства вандалов, можно допустить, что гуннско-аланский союз гарантировал иранской стороне значительную степень независимости и большую долю добычи. Не первый и не последний раз другие племена вступали в союз с гуннами. В некоторых случаях союз, вероятнее всего, вылился в настоящий симбиоз, в других племена объединялись временно для набегов и военных экспедиций. Гуннско-аланский союз продлился три десятилетия.

Рассказ Аммиана об аланских нападениях на готов подкреплен Амвросием. Однако, судя по всему, нет других авторитетных авторов, которые упоминали о гуннах, ставших на сторону Витимира. Почему гунны, даже если готский король им платил, сражались за него, когда его положение, совершенно очевидно, оставалось безнадежным? Если они были с теми гигантскими ордами, которым не мог противостоять даже великий Германарих, имелись все основания предполагать, что они, как только появилось желание, начали грабить. Ведь те гунны, которые вторглись на земли вестготов, вскоре были вынуждены прекратить атаку «вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи». Возможно, гунны, принявшие стороны готов, были частью народа, переправившегося через Дон? Или эти гунны жили к западу от реки и потому ощущали угрозу, как и готы. Тогда, вероятно, когда Витимир обратился к ним за помощью, они решили выступить с германцами единым фронтом?

Ответ дает фрагмент из «Гетики» Иордана, источником которого были труды историка V в. Приска: «Подобные некоему урагану племен гунны захватили алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, находившихся на границе этой самой Скифии». Как мы увидим, первые два названия (означают одно – тюркское имя собственное Alp-il-čur), которые нельзя отделить от гуннских имен, оканчивающихся на – čur. Другие имена собственные мы рассмотрим позже. А в настоящем контексте достаточно одного – Alpičur, чтобы доказать существование тюркоговорящих кочевников на или вблизи северо-восточного побережья Черного моря до прихода гуннов. В 430-х гг. те же народы, перечисленные в том же порядке, теперь находившиеся под властью гуннов, имели свои пастбища вдоль Дуная. Мигрировали они или осели там, как подданные гуннов, – большого значения не имеет. Важно лишь то, что их союз выдержал все превратности этих бурных десятилетий. Поскольку в обоих отрывках первыми названы алпидзуры, очевидно, они были главным племенем. Захваченные гуннами возле Меотиды, они 60 лет спустя все еще противились своим хозяевам и заключили союз с римлянами. В одной из следующих глав я еще вернусь к этим «гуннам до гуннов».

Царство Германариха

Часто считают, что Аттила правил всеми народами, некогда бывшими под властью царя остготов Германариха. Археологи, вероятно, усомнились бы, приписывая захоронения в лесах центра России гуннам-кочевникам, если бы не верили, что готы Германариха когда-то там правили. Утверждение послов Западной Римской империи при дворе Аттилы, что гуннский царь был господином над океанскими островами, не принимали бы так широко, если бы не заявление Иордана о том, что эсты, жившие на балтийском побережье, явля-

лись подданными Германариха. Недостаточно критическое отношение и склонность к шовинизму то непропорционально увеличивали готские владения, то вообще отрицали их существование[20].

Описание Иордана – почти гимн: «Немало древних писателей, – утверждает он, – по достоинству сравнивали Германариха с Александром Великим». Вероятно, это сравнение сделал источник Иордана – Кассиодор, а не безграмотный гот. Он же назвал Германариха «правителем всех народов Скифии и Германии». Далее Иордан перечислил 13 народов, которых Германарих покорил на севере: «гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов». Неточное чтение и странные формы этих названий дают необычайный простор для всевозможных догадок. Томачек решил, что атаулы – гуннское племя, название которого произошло от тюркского ataghul – лучник. Мюлленхоф считал, что scytha в названии goltescytha есть латинизированное chud, обозначение финских племен в ранних русских хрониках. Маркарт принял golte за другую форму Scoloti, связал его с thiudos, отбросил golte, как украшение, и получил сколотов. Он и Гринбергер не сомневались, что thiudos – готское значение слова «народ», но Гринбергер подозревал в golte латинское gothice, связал scythe и thiudos и перевел – по-готски скифские народы. Обсуждать эту и прочие этимологические фантазии – пустая трата времени. Морденс – это мордвины, а меренс – марийцы. Но действительно ли Германарих domuerat (укротил) их – представляется сомнительным. Этнические имена могут отражать степень географических знаний Иордана и его источников.

Утверждают, что Германарих также подчинил себе «своей мудростью и могуществом» народ эстов, живший на побережье Балтийского моря. Вполне возможно это всего лишь означает, что существовали торговые связи между готами и племенами, обитавшими в странах, где добывают янтарь. Не исключено, что они существовали в гуннские времена и при великом остготском короле Теодерихе (Теодорихе).

После завоевания северных народов Германарих подчинил своей власти герулов, живших у Азовского моря, что вполне правдоподобно. Начиная с середины III в. восточно-германское племя герулов действительно обитало на берегах Меотиды.

Наконец, Германарих подчинил себе венетов. Переведя из триумфального гимна в прозу, можно сказать следующее: «Время от времени готы нападали на славянскую территорию на северо-востоке». В весьма сбивчивом повествовании о годах, последовавших за смертью Германариха, Иордан говорит о войне между частью остготов и антами, возглавляемыми царем Боз. После победы над антами готы подверглись нападению гуннов и потерпели поражение на реке Эрак.

Границы остготской «империи» невозможно обозначить точно, поскольку их, в сущности, не было. Вокруг более или менее плотно заселенного готского района располагались территории разных племен. Возможно, некоторые из них платили регулярную дань готам, другие только обменивали по бартеру свои товары (вероятно, по большей части меха) на то, что готы получали или из Боспорского царства, или из Дунайских провинций. Вероятно, некоторые племена участвовали в готских набегах. Быстрый крах царства Германариха ясно указывает на отсутствие в нем единства.

В нашу задачу не входит повторный анализ рассказа Аммиана о войне между гуннами и вестготами, южными соседями остготов. Это было сделано историками периода переселения народов. Самым компетентным и лаконичным из них, по моему мнению, был Пач. Вестготы при Атанарихе ожидали атаки гуннов на правом берегу Днестра, но не смогли

[20] Карта в Vorgeschichte der deutsche Stämme, опубликованная национально-социалистической немецкой рабочей партией накануне вторжения Гитлера в Советский Союз, превратила всю Восточную Европу до Урала в «государственную территорию Германариха». Альтхайм считал даже Дагестан, расположенный на востоке Кавказа, готским.

противостоять ей. Они отступили за Серет. Большая часть народа решила искать новый дом в империи. Атанарих и его последователи прошли через Олтению в Caucalandis locus. Если верить Пачу, Caucaland – гористая часть Баната между реками Марос, Тиса и Дунай. Возражения его тезису основаны на сомнительном отождествлении названия, не принимающем во внимание события конца 370-х гг., которые определенно указывают на вестготов в Восточном Банате. Поэтому я согласен с Пачем[21].

Начиная с 376 г. и далее гунны были правителями большого района на юге России. Они стояли на нижнем Дунае. Картина, которую можно представить, опираясь на сведения Аммиана, является не ошибочной, но односторонней. Автор ничего не говорит о судьбе Боспорского царства, жизни покоренных гуннами народов, их экономике, социальных институтах, взаимоотношениях. Однако было бы несправедливо винить Аммиана. Он писал историю Римской империи, а не варваров. К счастью, культура людей, живших к западу от Дона, может быть реконструирована, по крайней мере в общих чертах, с помощью археологического материала.

Гунны на Дунае

Летом 376 г. десятки тысяч вестготов расположились лагерем на северном берегу Нижнего Дуная вокруг Дуростурума (совр. Силистра). Они терпеливо ожидали разрешения переправиться через Дунай и осесть во Фракии. Это была большая часть гордого народа, который только несколькими годами раньше заставил римлян обращаться с их лидером – Атанарихом, как с равным царю царей. Теперь, потерпев поражение от гуннов, они голодали и смертельно боялись, что враги снова нападут на них прежде, чем они получат убежище в империи.

Разрешение пришло осенью. Вестготы[22], тайфалы[23] и прочие трансдунайские варвары переправились через Дунай.

Последовавшая борьба между вестготами и восточными римлянами, которая годами велась во Фракии, временами захватывая немаленькие участки Македонии, хорошо изучена. Это понятно и логично. Германцы развились и стали великими народами; во Франции и Испании именно они определили судьбу западного мира. За исключением нескольких лет правления Аттилы гунны маячили где-то на краю ойкумены и даже за ним. Их история в последние десятилетия IV столетия представляется лишенной всяческого интереса. Даже ученые, изучавшие гуннов, не уделяли ей никакого внимания.

Это правда, что мы располагаем только ограниченной информацией о гуннах в этот период, хотя, если разобраться, она не намного более ограничена, чем о других временах. Чтобы найти в летописях, комментариях к Библии, проповедях, эдиктах и поэмах несколько коротких отрывков, в которых речь идет о гуннах, и установить, что произошло, когда и где, требуется не в меру большой аппарат. Но этого не избежать, если мы хотим знать, как гунны попали в Центральную Европу.

---

[21] Таким образом, известное сокровище Пьетроасса в Бузэу не имеет никакого отношения к Атанариху.

[22] Под предводительством Видериха, Алатея и Сафракса.

[23] Аммиан говорит о них лишь однажды; в конце осени 377 г. autumn vergente in hiemem, римляне почти уничтожили орду тайфалов, которые незадолго до этого переправились через Дунай. Но Зосима называет их следующими после готов, они занимают второе место среди вторгшихся на территорию империи. Тайфалы, очевидно, были многочисленным народом. До 370 г. они удерживали Олтению и западную часть Мунтении. Как далеко к востоку от реки Алута простиралась их территория, можно было бы оценить, только если бы было известно точное местонахождение линии обороны Атанариха, которая «огибала земли тайфалов». Последнее время делаются попытки ее локализовать. Нет никаких доказательств постоянно повторяемым заявлениям, что тайфалы были германцами. Следует отметить, что в Галлии тайфалы и сарматы селились вместе.

Вестготы и гунны кооперируются

После кровавого сражения в районе местечка Салиций (Ад Салицес в Северной Добрудже) между вестготами и войсками империи (см. главу 12) летом 377 г. римляне отошли за Балканы. Их потери были не такими огромными, как у вестготов. Но, даже учитывая направленное к римлянам подкрепление, их командующий не мог пойти на риск еще одного сражения. Вестготы все еще имели большое численное преимущество. Однако их сила являлась одновременно их слабостью, они были не армией: это был целый народ – женщины, дети, больные, старики. Поэтому они численностью превосходили воинов в четыре-пять раз, «было использовано все, что только могло служить едой на землях Скифии и Мёзии. Все жизненно важные предметы были собраны в укрепленные пункты, которые враги даже не пытались осадить из-за своего абсолютного невежества в этих и других военных операциях».

Римляне поспешно укрепили горные перевалы. Готы оказались между Истром (Дунаем) и заброшенными землями. Их ситуация быстро стала отчаянной. Римские войска могли легко прорваться через aggeres celsi – высокие валы готов, которые, очевидно, были обычными ограждениями, но для готов они оказались неприступными. «Подгоняемые яростью и голодом», они снова и снова атаковали, но всякий раз были отброшены. Ограниченные слева морем, справа и впереди горами, а сзади Дунаем, готы не могли продержаться долго. Под влиянием острой необходимости они вступили в союз с некими гуннами и аланами, питая надежду на большую добычу. Как только римский командующий об этом услышал, он оставил свои позиции, и римляне отошли на равнины Фракии.

Аммиан Марцеллин дает весьма живописное описание последовавших событий. Но вместо того чтобы рассказать читателю, что именно произошло, он пространно и с утомительными подробностями пишет об ужасах вторжения варваров. Мы много слышим о страданиях женщин и свободных мужчин, которых гнали кнутами, но так и не знаем, почему римляне отступили. Гунны имели так же мало опыта в штурме даже импровизированных фортификационных сооружений, как и вестготы. В горах их всадники были бесполезны. А тех немногих, которым удавалось пройти за линии римлян, можно было уничтожить без особых усилий. Готы не испытывали необходимости в людях – их было достаточно. Между прочим, сам Аммиан подчеркивает, что число гуннов и аланов оказалось небольшим. Но почему тогда блокада была сломлена? Зеек нашел ответ, глядя на карту: гунны, вероятнее всего, переправились через Дунай далеко на *западе*. Продвинувшись вниз по долине Моравы к Найсусу (совр. Ниш, Сербия) и повернув на восток, они вышли в тыл римлянам. Римский командующий Сатурнин не имел выбора. Он оставил перевалы, и готы были спасены.

Стратегический маневр такого масштаба требует чего-то большего, чем просто соглашение между вестготами и «некими» гуннами. Он предполагает со стороны гуннов способность задействовать много сотен всадников. Каким был статус их лидеров, мы не знаем. Но не важно, были они «царями», вождями племен или военными командирами – гетманами, равно как и то, почему за ними шли люди – из преданности, в погоне за военной славой или за добычей. Все это теряет значение по сравнению с тем фактом, что эти всадники *могли быть собраны,* что их лидеры действительно пришли к соглашению с вестготами, что гунны держались вместе на протяжении сотен миль. Самый первый рассказ о гуннском рейде в Балканские провинции опровергает мнение о том, что полвека после вторжения на юг России гуннское общество состояло из большого числа отдельных маленьких независимых друг от друга групп. Но проблемы гуннского общества мы рассмотрим в другом контексте.

Некоторые авторы утверждали, что гунны воевали в Адрианополе (см. главу 12) бок о бок с готами. Адрианополь (378) стал готской победой. «Римские легионы были уничтожены

готами» (Romanae legions usque ad internicionem caesae sunt a Gothis), – писал Иероним через год после катастрофы. И никто из тех, кто пользовался его хрониками, не мог ничего добавить из других источников. Рассказ Аммиана о сражении далек от той точности, которую можно было бы ожидать от автора с его военным опытом и способностью понимать детали. Определенно одно: решение было принять с прибытием остготов. Вестготы Фритигерна не могли противостоять яростным атакам римской кавалерии. Они отошли к своим повозкам и были вынуждены отступить, когда их спасли остготские всадники Алатея и Сафракса. Вестготский командир, сколько мог, избегал сражения, возможно, потому, что все еще надеялся прийти к пониманию с императором, но, главным образом, поскольку боялся вступать в бой в одиночестве. У римлян были сарацинские лошади. Фритигерн отчаянно нуждался в остготской кавалерии. Не прибудь она вовремя, вестготы, скорее всего, были бы разбиты или даже уничтожены. Неожиданная атака остготов вызвала панику в рядах римлян, за которой последовала бойня.

Сражение при Адрианаполе, одна из решающих битв в истории, было выиграно equitatus Gothurum (готской конницей). Это правда, что там были люди и из других племен, но не гунны. Аммиан говорит о Halanorum manus. Если бы повествование написал Иордан, мы могли бы заподозрить, что он не желает приписывать гуннам честь готской победы. У Аммиана не было причин предпочитать аланов готам. В его рассказе гунны появляются *после* сражения. Когда готы разбивают лагерь в Перинфе на берегу Мраморного моря, они были Hunis Halanisque permixti. Гунны держались в стороне от сражения. Их потомки, массагеты в римской армии в Африке, поступали так же отнюдь не единожды. Они ждали, желая посмотреть, кто одержит верх. Гуннов интересовала добыча, и они не имели желания проливать кровь за царя готов[24].

В следующие два года наши источники неоднократно упоминают о гуннах, готах и аланах вместе. Однако, когда гунны грабили и жгли фракийские деревни, действовали они самостоятельно или как союзники готов – неизвестно. Некоторые современные авторы видели в гуннах страшных злодеев, которые были «свирепее любой катастрофы» (omni pernicie atrociores). Орозий называет гуннов и аланов перед готами.

После 380 г. среди варваров Балканских провинций ни гунны, ни аланы не упоминаются. Готы тысячами служили в римской армии. Римские командиры Ботерих, Эриульф, Фравитта, Гаинас и Руморид были готами. Но мы не слышим о гуннских контингентах или офицерах-гуннах. Гунны вернулись за Дунай.

Хотя гунны не сражались при Адрианополе, они косвенно решили судьбу сражения. Следующие хронологические и географические размышления вроде бы уводят нас в сторону от гуннов, но без них невозможно реконструировать события в мире варварства (то есть на территориях за границами Римской империи).

Гунны угрожают Паннонии

В начале июня 378 г. армия Грациана, которая должна была как можно скорее присоединиться к восточным римлянам, теснимым вестготами, наконец выступила во Фракию. Фривольное желание юного императора предстать перед Валентом победителем могущественных варваров на западе задержало выход на целый месяц[25]. Но теперь Грациан спешил.

---

[24] Хронологию кампаний Феодосия по борьбе с готами в 380 г. см.: Ensslin W. 1948, 12–14. Gregory of Nazianzen (De vita sua, PG 37, 1098) дает дополнительную информацию.

[25] Грациан был уже на пути на восток, когда узнал, что алеманны-лентиензы терпят ужасное поражение при Аргентарии в районе Кольмара. Император покинул Трир после 20 апреля, так что сражение, должно быть, имело место в конце апреля или начале мая. Исполненный уверенности в себе, император «повернул налево и незаметно перешел через Рейн» – возможно, в районе Базеля. Хотя кампания велась с большой энергией и скоростью, Грациан не смог возобновить свое

Он возглавлял свои войска на долгих переходах, porrectis itineribus, от Феликс-Арбора, что на озере Констанц, до Лауриакума – совр. Лорьх – в Верхней Австрии. Там армия, прошедшая 300 миль, сделала небольшой привал[26]. Сам Грациан выслал вперед по суше весь свой багаж, спустился по Дунаю, прибыл в Бононию (в Верхней Паннонии, совр. Баностор) и вошел в Сиримиум (в Нижней Паннонии, современный Сремска Митровица). После остановки там на четыре дня он пошел дальше по реке в Кастра-Мартис (современный город Кула в Болгарии), хотя и страдая от болезней. Здесь на него неожиданно напали аланы, и он лишился части своих сторонников. Это была первая схватка с противником.

Грациан не осмелился бы плыть по Дунаю, имея всего лишь отряд легковооруженных войск, если бы не был уверен, что квады, языги и сарматы на левом берегу реки будут хранить мир. Они все еще страдали от поражений, нанесенных им тремя годами раньше Валентинианом. Квады были вынуждены поставлять рекрутов в римскую армию и возобновили союз с сарматами-аргарагантами в Банате. Чтобы не допустить повторения внезапных нападений, наподобие тех, что в 374 и 375 гг. завели варваров в глубь римской территории, приграничные укрепления были существенно укреплены. Паннонийские солдаты могли выделяться даже для службы в Британии. Весной 378 г. Фригерид, один из военачальников Грациана, с паннонийскими и трансальпийскими войсками присоединился к силам во Фракии. Грациану нечего было опасаться со стороны народов, живущих к востоку от Дуная. Но всего через несколько месяцев Валерия, самая восточная провинция Паннонии, подверглась вторжению готов, гуннов и аланов.

Допуская, что Грациан двигался с такой же скоростью, как император Юлиан (360–363), который летом 361 г. в условиях отличной погоды плыл с 3 тысячами людей от «места, где река судоходна» до Сирмиума (Сирмия) 11 дней, то он мог прибыть в Бононию в конце июня или начале июля. Возможно, Грациан был в Кастра-Мартисе не позднее середины июля. Мог ли он присоединиться к Валенту до 9 августа, когда произошло знаменитое сражение, – вопрос спорный. В письме, которое Грациан отправил Валенту, говорится, что он намеревался как можно скорее бросить свою кавалерию в бой. Но отрывок из «Новой истории» Зосимы, написанной в VI в. показывает, что Грациан внезапно остановился, повернул обратно и вернулся в Сирмиум.

Виктор, командовавший конницей, один из немногих высших офицеров, переживших бойню Адрианополя, пробился с остатками своих людей «через Македонию и Фессалию в Мёзию и Пеонию, чтобы проинформировать Грациана о случившемся». Пеония здесь обозначает провинцию Паннония Секунда[27]. Если Виктор действительно был первым, кто сообщил Грациану о смерти Валента, и если он встретился с ним в Паннонии, то Грациан вернулся в Сирмиум не потому, что понимал невозможность противостоять готам в одиночку после уничтожения восточной армии, а *до* того, как узнал о катастрофе. Следует отметить, что Зосима – не слишком надежный автор[28]. Важную новость о смерти Валента Грациан мог получить и по пути на восток[29]. Но если ему и следовало вернуться раньше, тому могла

продвижение на восток до начала июня.

[26] На это указывает большое число монет, отчеканенных в Трире в 364–378 гг., которые были найдены в Лорьхе.

[27] Зосима без разбора использует названия Paionia, Paioniai, Paiones. Он знал, что Паннония состоит из нескольких провинций, но не потрудился указать, в какой из них произошло то или иное событие. Цибалы, Сирмиум, Мурса – для него были просто городами Паннонии. В комбинации «Paionia and Mysia» Paionia всегда означает Паннония Секунда, а Mysia – Верхняя Мёзия. Интерпретация Е. Полашек, что Paionia – это Македонская Пеония, неприемлема.

[28] Но дополнение Зосимы к Евнапию показывает, что он имел доступ к каким-то источникам, ныне утраченным. Согласно Евнапию, Фракия, Македония и Фессалия были разграблены готами еще до сражения при Адрианополе. Зосима копирует Евнапия, но добавляет: «И Пеония».

[29] Ни рескрипт о терпимости, который Грациан издал сразу после получения известия о смерти дяди, ни эдикт от 25 сентября 378 г. не дает и намека на дату, когда новость достигла императора. Эдикт был издан от имени Валента, Грациана и Валентиниана, но это вовсе не означает, что Валент был еще жив. Действуя в соответствии с рескриптом о терпимости,

быть только одна причина: его войска, хотя и остро необходимые во Фракии, скорее всего, были еще нужнее в Паннонии. Валент сражался с готами. Грациан должен был сражаться и с народами, вытесненными в Паннонию гуннами, и с самими гуннами.

Грациан попросил епископа Амвросия, сначала в письме, потом при встрече в Сирмиуме, написать трактат об ортодоксальной вере. Амвросий составил первые две книги De fide «поспешно и сжато и скорее в грубой, чем в точной форме». Он написал их после того, как узнал о смерти еретика Валента, которая его не особенно огорчила. Он назвал молодого императора-ортодокса Грациана «правителем всего мира», который покорит готов. Среди теологических споров и письменных доказательств единосущности Отца, Сына и Святого Духа есть отрывок, требующий самого пристального внимания. «Разве мы не слышали, – писал Амвросий, – по всей границе от Фракии через Дакию, Мёзию и всю Валерию проповедующих богохульников (то есть ариан) и галдящих варваров?» Амвросий пропустил Паннонию Секунду, где, очевидно, стояли главные силы Грациана. А то, что он подчеркнул вторжение в Валерию, – всю, – чрезвычайно важно.

В De fide готы все еще оставались единственными врагами. Однако вскоре Амвросий получил более точные и тревожные новости. «Гунны, – теперь писал он, – напали на аланов, аланы на готов, а готы на тайфалов и сарматов. Готы, вытесненные из своей собственной страны, и это еще не конец». Расплывчатая картина, представлявшаяся римлянам о событиях за Дунаем, стала яснее: вестготы Атанариха, не присоединившиеся к Фритигерну, напали на тайфалов в Олтении, а потом на сарматов в Каукаланде. По всему варварскому миру, «до маркоманов и квадов», люди пришли в волнение. У нас нет информации относительно сопротивления, которое сарматы в Каукланде, Банате оказывали готам. Оно должно было быть упорным (аргараганты известны своей храбростью и предприимчивостью). Но сопротивление было сломлено, что, очевидно, вынудило большую группу сарматов переправиться через Дунай в Валерию. В декабре 378 г. отставной генерал Феодосий, поспешно вызванный из Испании, разгромил захватчиков[30]. Хотя рассказ о сражении церковного историка Феодорита изрядно приукрашен, по сути он правдив. Один фрагмент даже проливает свет на состав вторгшихся орд. «Многие варвары, – писал Феодорит, – были убиты собственными соотечественниками». Очевидно, сарматы-лимиганты, рабы аргарагантов, восстали против своих господ и убили их, используя оружие, которое должны были обратить против римлян.

Победа Феодосия, вероятно, слегка ослабила давление на одном участке фронта. Но это был всего лишь эпизод в масштабной борьбе. В январе 379 г., когда Грациан объявил Феодосия императором, сложилась уже практически безнадежная ситуация: «Города опустошены, мириады людей убиты, земля пропиталась кровью, а чужеземцы ходят по этой земле, словно она принадлежит им». Грациан больше не мог из своего штаба в Сирмиуме влиять на ситуацию на фронте, протянувшемся от Западной Венгрии до Черного моря. Восточная часть Иллирика[31], включавшая диоцезы Дакия и Македония, была добавлена к преторианской префектуре востока, в которой Феодосий должен был стать преемником Валента[32]. Раз-

---

македонцы встретились в синоде Антиохии в Карии еще до конца 378 г. (*Duchesne*, 1924. 2, 343. № 1). Но невозможно точно установить, когда они о рескрипте узнали. Зеек, датировавший его между 18 августа и 25 сентября (1919. 250), не указал, какими причинами руководствовался. Насколько я могу видеть, их нет.

[30] Пакат едва коснулся военной деятельности Феодосия до его возвышения на трон. Синезий, судя по всему, упоминает о победах Феодосия в 374, а не в 378 г. Рассказ Феодорита долго подвергался сомнению. Тиллемону пришлось защищать его от Барония; Витерсхейм-Дан II назвал его ein albernes Märchen (нелепой сказкой). Аутентичность рассказа теперь является общепризнанной. Феодорит ошибочно определил место сражения – во Фракии. Оно произошло на значительном расстоянии от Сирмиума. Сарматы не осмелились бы напасть на войска Грациана в Паннонии Секунде. Дружба Феодосия с Майорианом, которого он взял с собой в качестве maagister utriusque militia, когда принял командование на востоке, датирована после 378 г., когда генерал уже был командиром в Аквинкуме. Все это указывает на Валерию.

[31] *Иллирик* – римская провинция, Иллирия – историческая область, западная часть Балканского полуострова.

[32] Широко обсуждаемая административная история Иллирика интересна нам, только поскольку она затрагивает военную историю 379–395 гг. С ликвидацией готской угрозы отдельная иллирийская префектура стала лишней. Осенью 380 г.

деление провинции Иллирик на восточную и западную части было обусловлено чисто военными причинами. Грациан взял на себя борьбу против захватчиков Паннонии.

Духовные историки Сократ и Созомен туманно упоминают о племенах с берегов Истра – варварах. Римский оратор Симмах (340–402) также ссылается на победы двух императоров, но не называет их врагов. Поэты, к счастью, более конкретны. От Паката и Авсония мы узнаем, что люди, которые теснили сарматов к западу от Дуная, теперь атакуют укрепленную границу и уже перешли ее во многих местах. Феодосий все еще был в Испании, когда готы, гунны и аланы ворвались в Валерию. «Все, что гот разорит, гунн разграбит, а алан унесет, Аркадий позднее захочет [вернуть]» («Quidquid atterit Gothus, quidquid rapit Chunus, quidquid aufert Halanus, id olim desiderabit Arcadius»). «Увы, я утратил Паннонию», – жалуется res publica[33], заклиная Феодосия прийти на помощь. Пакат явно преувеличивал. Паннония еще не была утрачена, но пребывала в опасности. В конце 378 г. Авсоний, друг и учитель Грациана, консул 379 г., получил в Трире хорошие новости:

> «Все враги теперь побеждены (где смешанные орды франков и свевов спешат подчиниться, желая служить в римских армиях; и где кочевые банды гуннов установили союз с сарматами; и где геты со своими друзьями аланами нападали на Дунае – победа принесла мне на быстрых крыльях новость об этом), и теперь император удостоит меня высокими почестями…»

Возможно, неправильно придавать слишком большое значение дифференциации между савроматами и аланами и предполагаемому союзу между варварами, хотя сарматы, подвергшись нападению готов, действительно могли обратиться к гуннам за помощью. Победы не могли быть такими убедительными, какими они выглядели из далекого Трира, – война продолжалась.

Грациан оставался в Сиримиуме весь февраль и первую половину марта. 5 апреля он был в Трикиане (современный Сагвар), в городе на пути из Сопианы в Арраbону, в 10 милях к югу от северо-западного побережья озера Балатон. Чем он занимался в Северной Паннонии, мы узнаем из нескольких фрагментов Авсония. Галльский ритор, возможно, несколько преувеличил подвиги императора, но он, по крайней мере, их не придумал, что доказал исход борьбы. В благодарность за консульство, обращаясь к Грациану в Трире в конце 379 г., Авсоний восхваляет молодого правителя за «восстановление мира всего за один год на дунайских и рейнских границах». Он называет императора Sarmaticus, «потому что он завоевал и простил этот народ»[34]. В эпиграмме Авсоний хвалит Грациана, который «средь бряцанья оружия, свирепых гуннов и опасных, украдкой подкрадывающихся савроматов, каждую минуту отдыха, которую имел, посвящал музам-клариям (кларии – музы в древнегерманской поэзии. – *Пер.*). В ночном кошмаре Авсоний увидел себя разоруженным военнопленным аланом, которого таскали по улицам.

Македония и Дакия стали западными и оставались таковыми до 387 г., когда Максим изгнал Валентиниана II из Италии. С тех пор восточная часть Иллирика стала принадлежать не востоку и не западу, а Феодосию. Есть основания полагать, что бразды правления перешли к Феодосию еще в 383 г. В следующем году он вернул префектуру Валентиниану II. Это был просто вежливый жест. Каким бы ни являлся административный и церковный статус Иллирика в 383–395 гг., префектура принадлежала по множеству военных и практических причин к востоку. От Дрины до Черного моря армиям Феодосия противостояли гунны.

[33] Общее дело (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[34] Аланы, которых Грациан завоевал «дорогой ценой» (Epit. De caes. XLVII. 6; *Zosimus*, IV. 35, 2), вероятно, были среди тех, кого он «простил». Грациану так нравились аланы, что он иногда даже носил их платья. Когда он бежал из Парижа в Лион, с ним были не более 300 всадников. Армия почти до последнего человека перешла к Максиму. Преданные всадники, наверное, были его любимыми аланами.

К середине июня ситуация настолько улучшилась, что Грациан смог передать командование одному из своих генералов и уехать в Италию[35]. Кроме того, его присутствия в Риме потребовало новое восстание алеманнов на западе.

Гуннское давление на нижнем Дунае

У нас нет необходимости внимательно следить за борьбой между вестготами и армиями Феодосия. Если среди варваров еще оставались гунны, их были единицы. Но гуннская угроза оставалась актуальной. Зимой 381/82 г. скиры и карподаки „смешались с гуннами“, переправились через Дунай, но были вытеснены обратно после нескольких столкновений[36]. Эпизод представляется важным только потому, что показывает: гунны не могли помешать более активным племенам к северу от Дуная действовать по собственному усмотрению. Все же Феодосий не мог не осознавать, что ужасные всадники, ставшие хозяевами, хотя и не абсолютными, несметных орд варваров в Скифии, могут однажды оказаться для него более страшной угрозой, чем готы. Осенью 382 г. он заключил мир с вестготами.

Ослабленные эпидемиями отряды быстро уменьшались из-за дезертирства. Смертельно уставшие от постоянных передвижений с места на место вестготы жаждали прийти к соглашению с императором. Они хотели получить землю, на которой могли обосноваться, и, по возможности, субсидии. А Феодосию нужны были солдаты. Мирный договор дал готам большие территории в Мёзии и на границе Восточной Дакии; он же дал императору войска, чтобы охранять дунайскую границу от Эскуса (на Дунае близ слияния с рекой Голем Искр) до Дуростурума. Новогоднее обращения Темистия от 1 января 383 г. не следует понимать буквально. Имея большой опыт общения с варварами, Феодосий не мог ожидать, что, как кельты в Галатии, готы станут хорошими и законопослушными гражданами Римской империи. Но он определенно рассчитывал, что они помогут ему укрепить оборону. Годом раньше последователи Атанариха обустроились на правом берегу реки, „чтобы предотвратить любые нападения на римлян“. Зосима, как и Темистий, не назвал потенциального противника. Евнапий Сардский был конкретнее. Император, писал он, дал готам скот и землю, ожидая, что они станут „непоколебимым оплотом против вторжения гуннов“[37]. Вошедшие в империю на федеративных началах вестготы были обязаны служить там и тогда, когда их призовут, но их главной и постоянной обязанностью оставалась защита самих себя. Сражаясь за свой новый дом, они сражались за Рим. Пока они несли вахту на Дунае, северные Балканские провинции, кроме разве что самой восточной Малой Скифии, были в безопасности. Какое-то время, к сожалению очень короткое, римское население в систематически разоряемых городах и деревнях наслаждалось неким подобием мира. В 384–385 гг. орда варваров перешла Дунай по льду в районе устья и взяла Гальмирис[38]. Но это происходило за пределами готской территории. Вскоре после этого орды гуннов напали на Скифию[39].

---

[35] В начале июля Грациан находился в Аквилее.

[36] Дату нельзя считать точно установленной. Зосима помещает короткую кампанию между покорением Атанариха и его приближенных (Атанарих вскоре после этого – 25 января 381 г. – умер) и победой Промота над гревтунгами в 386 г. Как правило, трансдунайские варвары выбирали время для своих набегов так, чтобы пересечь Дунай, как только он замерз, и успеть вернуться с богатой добычей до таяния льда. Во второй половине декабря и в январе 383, 384 и 385 гг. Феодосий был в Константинополе. Но он не издавал никаких законов между 13 января и 20 февраля 382 г., так что было достаточно времени, чтобы поспешить к границе и оттеснить грабителей, если, конечно, он действительно принимал участие в акции. В 381 г. гунны в низовьях Дуная, очевидно, вели себя спокойно. Терентий, епископ Томский в Малой Скифии, покинул свою паству, чтобы принять участие в Константинопольском соборе. Это значит, что в указанное время в Малой Скифии было относительно безопасно. Локализовать скиров не представляется возможным. Карподаки – это даки на земле карпов.

[37] Фрагмент относится не, как обычно считают, к 376, а к 382 г. В 376 г. готам еще не дали землю и скот, и лишь в 382 г. они стали ходить, по крайней мере какое-то время, за плугом во Фракии.

[38] Во время набега Евномий находился в Гальмирисе, куда он был сослан после смерти Грациана в начале 385 г. Он был

В 386 г. варвары снова нанесли удар справа и слева от места вахты готов на Дунае и в некоторых местах глубоко проникли на римскую территорию. Эдикт от 29 июля того же года дает весьма странную картину ситуации на Балканах: „Поскольку прокураторы рудников в Македонии, Дакии (средней), Мёзии и Дардании, которые систематически назначаются из декурионов и которые осуществляют обычный сбор налогов, устранились с этой службы под предлогом страха перед врагом, их следует заставить вернуться к выполнению своих обязанностей“. Конечно, прокураторы с радостью использовали любой предлог, чтобы уклониться от исполнения неприятных обязанностей, но все же они не могли придумать врагов, если их не было. Последовательность, в которой перечислены провинции, не оставляет сомнений в том, что враги действовали в долине Моравы-Вардара. Они сеяли страх до самой Македонии, а значит, это были быстрые и мобильные всадники. Вероятно, их было немного, но все же достаточно, чтобы одолеть римские войска. Возможно, они обходили стороной укрепленные пункты и возвращались, нагруженные добычей, обратно. Там и тогда не было других врагов, которые могли совершать подобные набеги на Западные Балканы, кроме трансдунайских гуннов.

Захватчики с востока были германцами. Летом 386 г. гревтунги, которых вел Одотей, и их союзники появились на левом берегу нижнего Дуная и попросили Промота, магистра во Фракии, разрешения пересечь реку. Им нужна была земля для поселения. Когда их просьбу отклонили, они сделали попытку пробиться на территорию империи силой. Промот нанес им решающее поражение.

Зосима рассказывает о событии дважды. Он приводит подробное повествование о военной хитрости, с помощью которой Промот обманул варваров; поэт Клавдиан дал описание кровавого убийства гревтунгов. Но ни один из этих авторов не проявил интереса к предпосылкам этой короткой войны. Для них это было всего лишь очередное проявление „безумия“ варваров. Хотя и маловероятно, но вовсе не невозможно, что источники Зосимы содержали больше сведений о гревтунгах и причинах их переселения на юг. Потому что это стало именно переселением, миграцией очень большой группы людей в поисках нового дома. Зосима подчеркивает, что с варварами были женщины и дети, сколько – мы не знаем. Клавдиан определенно преувеличивает количество лодок, в которых находился цвет молодежи варваров. Их потопили римляне. Но даже если их число было не 3 тысячи, как утверждает автор, а только одна и в каждой лодке сидело по три-четыре человека, получается, что число варваров, способных держать в руках оружие, приближалось к 10 тысячам. Германская армия могла составлять четвертую или пятую часть общей численности населения. Но даже если гревтунгов вместе со всеми племенами и частями племен, ставшими их союзниками, было не 50, а только 30 или 20 тысяч (источники Зосимы называют их огромной ордой), факт, что такая большая масса людей могла проигнорировать своих господ гуннов и прорваться к Дунаю, имеет первостепенную важность.

В 381 г., пятью годами раньше, несколько гуннов присоединились к скирам и карподакам для стремительного набега за добычей. На этот раз целый народ, который возглавил остготский принц Одотей, сбросил иго гуннов. Неудивительно, что Кассиодор-Иордан игнорирует миграцию гревтунгов: другие остготы, те, кто следовали за амалунгами, пишет Кассиодор, не осмеливались восстать против гуннов. К сожалению, мы ничего не знаем об обстоятельствах, при которых гревтунги сумели спастись от гуннов. Возможно,

---

отправлен в Кесарию в Каппадокии до смерти Флациллы, до начала зимы 386 г. Этот набег по странности был неправильно датирован и отнесен не к тому месту. Гюльденпеннинг датировал его зимой 381/82 г.; Раушен спутал его с вторжением гревтунгов в 386 г.; Зеек считал, что варвары были сарматами, с которым сражался Бавтон (Баутон), но это было в Венгрии, а Гальмирис находился в Добрудже.

[39] Томпсон ошибочно датировал набег 395 г.; он не учел, что это событие имело место в двадцатый год Ипатия, то есть в 385 или 386 г.

возникли разногласия между хозяевами: не исключено, что гунны, правившие гревтунгами, в тот момент были заняты набегами на севере. Но все это не меняет очевидного факта: много тысяч „голов людского скота“ сломали гуннские заборы. Власть гуннов на равнинах, расположенных к северу от нижнего Дуная, еще не была прочной.

Гуннские всадники направляются в Галлию

Ситуация на границах Паннонии и на равнинах к востоку от Дуная оставалась изменчивой. Только небольшая часть сарматов заключила мир с римлянами. Война с остальными продолжилась весь 383 г. Но что победа войск Валентиниана над ускользающим врагом была столь же решающей, какой она казалась зрителям в римском Колизее, представляется сомнительным. Продолжающиеся попытки сарматов перейти на правый берег Дуная можно сравнить с миграциями гревтунгов Одотея; они тоже, судя по всему, старались сбросить иго гуннов и найти новые пастбища. О самих гуннах мы практически ничего не узнаем.

Весной 384 г. гуннские всадники направились через Норик и Рецию на Галлию. Единственный источник, в котором упоминается первое появление гуннов в Западной Европе, – это короткий отрывок из письма епископа Амвросия Валентиниану II. Его весьма непросто датировать. Амвросий ссылается на события, о которых мы знаем очень мало или не знаем вообще ничего. И все же, ввиду отсутствия любой другой информации о гуннах в те годы, даже мельчайшая крупица информации – великая ценность.

По возвращении из Трира в Милан в декабре 383 г. Амвросий встретил в Южной Галлии войска узурпатора Максима. Они шли, чтобы занять перевалы через Приморские Альпы и стратегические точки вдоль Ривьеры. В Италии Амвросий увидел имперскую армию, двигавшуюся в противоположном направлении с той же целью. За четыре месяца, которые прошли после убийства Грациана, Максим стал неоспоримым хозяином Галлии. Он мог вторгнуться в Италию в любое время и сделал бы это не колеблясь, если бы был уверен, что ему придется столкнуться только с войсками маленького брата Грациана Валентиниана или, точнее, с войсками Бавтона, его франкского военачальника.

Бавтона считали опытным и предприимчивым военным, но его войско было немногочисленным и, за исключением готских наемников, ненадежным. На одной стороне находился Максим, приверженец православной церкви, с другой – вдовствующая императрица Юстина, которая была арианкой (ребенок Валентиниан не принимался в расчет) и язычник Бавтон. Когда четырьмя годами позже Максим вторгся в Италию, он почти не встретил сопротивления. Армия Бавтона сражалась бы лучше в 383 и 384 гг., до того как Юстина начала „подвергать гонениям“ ортодоксальное большинство своих подданных, но она почти наверняка была бы разгромлена, если бы Максим решился на марш. Только страх перед Феодосием, правителем Востока, сдерживал Максима. И только надежда на помощь с востока помогали Бавтону держаться. Максим знал, что нападение на Италию означает войну с Феодосием. Бавтон сосредоточил все свои силы вдоль западной границы, поставив перед ними задачу держаться до подхода главных сил Феодосия.

Максим нанес удар, но не в Италии. Он побудил ютунгов возобновить набеги на Рецию. Все еще переживая свои поражения в 378 и 379 гг., сдерживаемые усиленными гарнизонами вдоль limes Raticus, ютунги не предпринимали никаких действий до лета 383 г. В то время, когда ужасный голод поразил большую часть Западной империи, и в первую очередь Италию, „Малая Реция узнала опасность собственного плодородия. Она навлекла на себя врага своим изобилием“. Вторглись в Рецию ютунги. Грациан уже готовился выступить против

них, другая опасность – на западе – заставила его оставить оборону провинции стоявшим там войскам и бросить мобильную армию в Галлию, чтобы остановить Максима[40].

В первом месяце 384 г. ютунги готовили новое нападение. Маловероятно, что Максим заключил официальный союз с варварами; им было необходимо только согласие, возможно, даже только молчаливое согласие Максима на вторжение в Рецию. Если бы они энергично продолжили атаку и перешли альпийские перевалы, с Бавтоном было бы покончено. Максим мог просто войти в Италию, причем не как агрессор, а как спаситель римского мира от варваров.

Именно тогда Бавтон обратился к гуннам и аланам. Из письма Амвросия мы ничего не узнаем о силе гуннской и аланской кавалерии, ее командирах и сражениях, в которых она участвовала. Он лишь вскользь упоминает о триумфах варваров. Представляется, что они разгромили ютунгов в одной масштабной кампании. Тем самым они выполнили задачу. Опасность со стороны ютунгов была устранена. Гунны могли возвращаться на свои земли.

Но они не вернулись. Они продолжали двигаться на запад и приблизились к Галлии. Когда новость об этом достигла Милана, Бавтон, должно быть, пришел в ужас. Хотя Феодосий решил защищать Италию, он совершенно не собирался помогать Бавтону в нападении на Максима. Если гунны, союзники Бавтона, ворвутся в Галлию, Максим должен воспринять это как официальное объявление войны. И их остановили. Бавтон купил отступление федератов за золото. Нам не сказано, сколько он им заплатил, но можно предположить, что компенсация за не полученную в Галлии добычу была весьма велика. Гунны развернулись и отправились домой.

В истории поздней Римской империи все это заняло бы несколько строчек, но для изучения мира гуннов эпизод 384 г. очень важен. Из него мы можем сделать следующие выводы.

В одном отрывке Амвросий называет гуннов первыми, аланов вторыми, в другом – только гуннов, так что гунны, вероятно, были не только более сильной, но и доминирующей группой.

Гунны, к которым обратился Бавтон, не могли обитать далеко на востоке. Если они жили не западнее Дуная, что представляется вполне возможным, то определенно не далеко от левого берега реки. В начале 384 г. гунны и их союзники аланы занимали большие территории Венгерской равнины.

Ductus (командование) гуннских primates (лидеров) не было tumtltuarius (поспешным). Заключив в 378 г. соглашение с негуннской силой, они собрали всадников, на этот раз больше, чем в том же году, и повели их по неизвестным землям. Было бы абсурдом предполагать, что эмиссары Бавтона платили жалованье каждому гунну. Золото получали лидеры. Как они его распределяли среди своих людей, мы не знаем. Но то, что они сдержали слово и вернулись домой, хотя многие варвары наверняка чувствовали искушение взять деньги и продолжить экспедицию, обещавшую большую добычу, доказывает, что лидеры твердо держали своих людей в руках. Они были, какое бы положение ни занимали, людьми слова.

Наша информация о гуннах, живших и к западу, и к востоку от Карпат, после 380 г. даже более скудна, чем та, что мы пока сумели получить из немногочисленных источников. Мы имеем только краткие упоминания о гуннах в поэтических произведениях.

Когда летом 387 г. Максим предложил послать войска из Галлии в Италию, чтобы помочь Валентиниану справиться с варварами, угрожавшими Паннонии, положение на территории, прилегающей к среднему течению Дуная, должно было быть очень серьезным.

---

[40] Согласно Сократу, Созомену и Иоанну Антиохийскому, Максим «восстал против Римской империи и напал на Грациана, который был измучен войной с алеманнами». Это не может являться правдой. 16 июня Грациан все еще находился в Вероне. Его убили в Лионе 25 августа. Грациан должен был прибыть в Северную Галлию, самое позднее – в течение первой недели августа. Это оставляло ему около пятидесяти дней на марш через перевал Бреннера в Рецию, войну с ютунгами и марш с Дуная в Париж, что невозможно.

Только опасность того, что пограничные укрепления могут не выдержать и варвары сплошным потоком устремятся в Италию, могла заставить Валентиниана, имевшего все основания не доверять неожиданной готовности убийцы его брата прийти на помощь, принять предложение. В течение нескольких недель за „вспомогательными войсками“ прибыла вся армия Максима, и Валентиниану пришлось бежать в Константинополь.

Зосима, единственный для нас источник сведений об этих событиях, писал то, чего ждала от него публика. Он не указал, кем были противники, где они напали и каким был исход сражения. Его читатели интересовались историей лишь между прочим. Они хотели слышать придворные слухи и антихристианские анекдоты. Также благочестивую толпу, наполнявшую собор в Милане, не интересовало, кем были дикари, против которых воюют солдаты императора. В своих проповедях 387 г. Амвросий говорит о barbarous hostis. К счастью, Пакат пишет хотя и в иносказательной, но в более определенной манере.

Как известно, „Панегирик Феодосию“ – главный источник информации о кампании против Максима в 388 г. Армия, которую собрал император, состояла почти полностью из варваров. Феодосий провел тщательную дипломатическую и военную подготовку: был возобновлен мир с Персией, усмирены сарацины. Император принял „варварские народы, которые поклялись ему помочь в качестве союзников“[41]. Заключая союзы с ними, он не только ликвидировал угрозу на границах, но также достаточно укрепил свою армию, чтобы избежать необходимости призывать римских граждан.

Всадники варваров сражались великолепно. Этого и следовало ожидать. Но удивительной была дисциплина, которую поддерживали варвары. „Армия, – писал Амвросий, – собранная из многих непокоренных народов, сохраняла веру, невозмутимость и согласованность, как один народ“. Пакат лишь восхвалял союзников: „О, запоминающаяся вещь: под римским командованием и римскими знаменами шли те, кто раньше были нашими врагами, следуя сигналам, против которых они раньше выступали, и, став солдатами, заполнили города Паннонии, которые они злодейски опустошили. Готы, гунны и аланы откликались на перекличку, меняли караульных и редко опасались выговоров. Не было ни шума, ни суматохи, никто не рыскал в поисках добычи, как это обычно делают варвары“.

В другом отрывке Пакат говорит о союзниках-варварах, которые пришли с „грозного Кавказа, ледяного Тавра и Дуная“. Последние, вероятно, готы. Кавказ и Тавр – это не горы, с которых спустились гунны и аланы, чтобы присоединиться к Феодосию, а их настоящие дома „где-то на востоке“.

Феодосий выступил из Фессалоник вдоль Вардара и Моравы к Сингидунуму (Белград) и оттуда повернул на запад вдоль Савы к Сискии (Сисак, Хорватия), где нанес первое поражение войскам Максима. Второе сражение имело место возле Петавиона (Птуй, Словения). Дорога от Сингидунума через Сискию до Петавиона ведет через Паннонию Секунду и Савию. В этих провинциях находились города, которые готы, гунны и аланы грабили до 388 г. Крайне маловероятно, что Валерия не была затронута их набегами. В 387 г. варвары, должно быть, проникли глубоко на территорию Паннонии Примы. Амвросий не говорил бы о мародерах на Дунае, не заставь они Валентиниана принять помощь Максима.

Свидетельство Паката подтверждает выводы, сделанные на основании письма Амвросия: восточная часть Венгрии была землей гуннов. Однако она определенно не являлась одним большим пастбищем, на котором паслись стада одних только гуннов. Были еще аланы и готы, союзники или подданные гуннов, сарматы-языги, германские племена и местное иллирийское население. Но господами были гунны.

---

[41] Uti limiti manus suspecta decederet. Только одна эта фраза доказывает, что варвары, omnes Scythicae nationes, не были федератами в Паннонии, они пришли из-за границы.

Если в 388 г. гунны сражались за римлян, четырьмя годами позже гуннские всадники снова стали грабить Балканские провинции. Из In Rufinum и Panegyric on Stilicho's Consulship Клавдиана мы узнаем, что гунны пересекли Дунай и присоединились к германским врагам римлян. Поэмы Клавдиана, одна – резко обличительная, другая – преувеличенно хвалебная, не являются достоверными источниками информации о смутном периоде, начавшемся после победы Феодосия над Максимом. Но все же Клавдиан – образец точности в сравнении с Зосимой, анекдотичный рассказ которого позволяет реконструировать события того времени лишь в самых общих очертаниях.

Изрядное количество варваров, очевидно в основном вестготов, дезертировали из римской армии накануне кампании 388 г. и занялись грабежами. Почти четыре года они терроризировали Македонию: грабили крестьянские хозяйства, блокировали дороги, быстро вылетая из своих укрытий в лесах и болотах и так же быстро исчезая – „как привидения“. После войны в Италии в их ряды влились новые дезертиры, и отдельные отряды разбойников превратились в крупную и хорошо организованную армию, как варги и скамары полувеком позже. Летом 391 г. ситуация стала отчаянной, и Феодосий дал право мирным жителям использовать оружие против бандитов. Это была, прямо скажем, рискованная мера, если учесть, с какой легкостью рабочие с рудников и прочий пролетариат могли присоединиться к бандитам, как они присоединялись к готам в 378 г.

Осенью император сам отправился на поле боя. Уже первые столкновения показали, что местных сил совершенно недостаточно; после тяжелого поражения, в котором он лишь чудом не лишился жизни, Феодосий потребовал подкрепления у армии во Фракии. В результате крупные орды трансдунайских варваров прорвались через пограничный вал и вторглись на равнину севернее Балкан. И то, что до сих пор было карательной экспедицией, хотя и довольно-таки масштабной, превратилось в страшную войну. Иероним не был уверен, что в конце концов готы не победят. Письмо Иоанна Златоуста молодой вдове дает представление о масштабах катастрофы, разразившейся во Фракии. Он успокоил ее, указав, что многие женщины находятся в еще более ужасном положении, в том числе императрица. Супруга Феодосия, по его словам, „готова умереть от страха и проводит свои дни еще ужаснее, чем осужденные на смерть преступники, потому что ее муж, с тех пор как принял корону и до настоящего времени, постоянно воюет… То, чего никогда не было, теперь произошло; варвары, покинув свои земли, захватили большие части нашей территории. Сжигая все на своем пути и захватывая наши города, они теперь не собираются возвращаться домой. Как люди, которые хорошо проводят время, а вовсе не воюют, они презрительно смеются над нами. Говорят, один из их царей объявил, что он изумлен наглостью наших солдат, которые, хотя их убить легче, чем овец, все же ожидают победы и не желают оставлять свою территорию. Он сказал, что уже пресытился разрубанием их на куски“.

Феодосий вернулся в Константинополь в 391 г., „настолько угнетенный тем, что ему и его армии пришлось выстрадать от варваров, что решил отказаться от войны и сражений, передав эти дела Промоту“. Опытный генерал был не более удачлив. Был ли враг действительно так силен, как указывал Клавдиан, неизвестно. В своих поэмах он не указывал цифр. Вместо этого он громоздил друг на друга имена и названия. В обличительной речи против Руфина Клавдиан перечисляет гетов, сарматов, даков, массагетов, аланов и гелонов, а в „Панегирике Стилихону“, написанном тремя годами позже, у него присутствуют визы, бастарны, аланы, *гунны,* гелоны, геты и сарматы. Промот был убит в стычке с бастарнами. Утверждают, что Стилихон, его преемник, разогнал вестготов и сверг бастарнов. Он бы уничтожил орды варваров, загнанные в небольшую долину, если бы предатель [Руфин] не шептал на ухо императору коварные слова. Он удержал руку Стилихона, заставил его вложить меч в ножны, снять осаду и заключить договоры с пленными.

Руфин действовал так же, как сам Стилихон тремя годами позже и еще раз в 402 г., когда он заключил сделку с вестготским царем Аларихом и позволил ему уйти. То, что сказал Клавдиан во славу Стилихона, он мог бы повторить о Руфине: „Забота о тебе, о Рим, заставила нас предложить путь к отступлению осажденному врагу. Иначе, оказавшись перед лицом смерти, их ярость стала бы такой сильной, что ее уже не сдержать". „Пленными", с которыми Руфин, определенно с согласия Феодосия, если не по его прямому приказу, заключил договоры, явились готы и гунны. Какими были условия foedera, Клавдиан не говорит. Но многие гунны не вернулись обратно за Дунай в свои палатки. Они остались, как мы увидим, во Фракии.

Летом 394 г. Феодосий снова возглавил армию против узурпатора на Западе – Евгения. Она была не слабее, чем в 388 г. Судьба Рима оказалась в опасности. Это была не, как шестью годами ранее, война между законным правителем и узурпатором, а война между Христом и Юпитером, авгурами Фиваиды и Этрурии, возлюбившим Бога Востоком и поклоняющимся идолам Западом. Евгений боролся за богов, и боги сражались за него. Его солдаты шли под штандартами с изображением Hercules Invictus (Геркулес Непобедимый). А на вершине Юлианских Альп стояли золотые статуи Юпитера, готового метать молнии в галилеян, если они осмелятся вступить на священную землю Италии. В Риме Никомах Флавиан, лидер довольно-таки буйного возрождения язычества, читал о грядущей победе Евгения по внутренностям жертвенных быков, в Константинополе Феодосий с нетерпением ждал ответа от отшельника-пророка Иоанна из Ликополиса относительно исхода войны. Он молился и постился: „Он был готов к войне не так с помощью оружия и снарядов, как постами и молитвами" (Praeparatus ad bellum non tamen armorum talorumque quam ieiuniorum orationumque subsidiis), – сказал Руфин. И все христианские авторы согласились, что именно Господь даровал Феодосию славную победу над язычниками. Амвросий сравнивал его с Моисеем, Иисусом Навином, Самуилом и Давидом. Однако, когда император отправился на войну, он не нес пращу, а шел во главе огромной армии.

Зимой 394/95 г. Феодосий занимался сложными военными приготовлениями. Его вербовщики на востоке набирали в армию армян, кавказских горцев и арабов. Вестготским союзникам приказали собрать как можно больше солдат. Даже если войско и не насчитывало более 20 тысяч человек, как утверждает Иордан, это был весьма крупный контингент. Пришли аланы, которых вел Саул, с ним мы вскоре встретимся снова. Кроме того, пришли, чтобы укрепить ряды воинов Бога, „многие готы из Фракии со своими phylarchoi (филарх – глава племени)".

Хронист Иоанн Антиохийский единственный упомянул гуннов. Вполне понятно, почему церковные историки обходили последних молчанием: их не интересовал состав вспомогательных сил. То, что Иордан упоминал только о готах, никоим образом не является примечательным. Но отсутствие гуннов в длинном списке народов у Клавдиана требует объяснения.

Поэт называет арабов, армян, азиат с Евфрата, Галиса и Оронта, колхов, иберийцев, мидян с Каспийского моря, парфян с Нифата и даже саков и индусов. Он упоминает готов и аланов, но гуннов для него не существовало, хотя он не мог не знать, что они сражались за Феодосия. Он мог намекнуть на них, перечислив среди варваров гелонов[42].

[42] Сомнительно, что за гелонами Клавдиана стоял реальный народ. Вегеций, очевидно, посчитал, что гелоны – поэтическое название гуннов и аланов. Он обратил строки Клавдиана «Parthis sagittas tendere doctor, eques Gelonis imperiosior» в Fescennina de nuptis Honorii Augusti в прозу: «Ad peririamasagittandi, quam in serenitate, tua persa miratur, ad equitandi scientiam uel decorum, quae Hunorum Alanorumque nation uellit imitari». Это, кстати, еще одно доказательство того, что императором, к которому обращался Вегеций, был Валентиниан III; гелоны названы вместе с аланами, гуннами и сарматами. Клавдий подражал Стацию, но, чтобы не нарушить гекзаметр, он сменил оружие: falcemque Getes arqumque belonus Стация стало у него falce Gelonus… arcu Getae. У гелонов была принята татуировка, и Вергилий назвал их pictos Gelonos. Эпитет «одетый в шкуры» (4th Cons. Hon. 486) был применим к любым северным варварам. Несомненно, гелоны – один из диких народов

Можно подумать, что, игнорируя гуннов, Клавдиан выражает свое отвращение к этим низшим из варваров, нежелание признать их заслуги в достижении правого дела. Но я считаю, что реальной и самой сильной причиной этого считали близкие отношения между гуннами и ненавистным Руфином. Клавдиан рисует Руфина в самых черных красках, называет его преданным другом готов. Но когда Стилихон по приказам Руфина должен был оставить командование восточными войсками, люди не боялись, как можно было ожидать, что их командирами станут готы. Они, скорее, опасались, что Руфин сделает их „слугами грязных гуннов или беспокойных аланов“. Это странно. Единственное объяснение, которое я могу придумать, заключается в следующем: Руфин решил положиться на гуннов и аланов, чтобы уравновесить силу готов. Это было бы не особо приятное, но самое эффективное средство. Спустя несколько лет антиготская фракция в Константинополе всерьез рассматривала идею вступления в союз с гуннами против готов, так сказать, направить волка против льва. Подозреваю, что Руфин имел те же намерения. Не может быть случайным совпадением то, что осенью 395 г. телохранителями его были гунны, а не готы. И лишь когда все они были сражены до последнего человека, солдаты генерала Гаинаса смогли его убить.

То, что он дал им землю во Фракии, указывает также на самые необычайные и близкие отношения между Руфином и гуннами. Это был единственный раз, когда гуннов допустили в империю. Все остальные союзы с гуннами заключались с племенами или коалициями племен на территории мира варварства. Гуннов во Фракии было, должно быть, несколько тысяч, поскольку крайне маловероятно, что гуннские воины, ставшие римскими федератами, хотели жить без своих жен и детей, стад и отар, которых они с собой не взяли, когда отправлялись на войну. Они должны были послать за ними позже.

Недвусмысленное заявление Иоанна Антиохийского, что гунны находились под властью своих филархов, позволяет нам сделать ряд выводов относительно их политической организации. Phylarchos – филарх – это лидер любой большой группы; phyle – это может быть племя, состоящее из ряда кланов, множество племен или целый народ. Если гунны во Фракии имели царя, правителя над phylarchoi, Иоанн не мог не упомянуть об этом. Почти наверняка гуннские phylarchoi являлись лидерами племен. Но из этого не обязательно следует, что гунны за Дунаем были также разделены на независимые племена без общего лидера. Допустимо, что гунны, ставшие союзниками римлян, не хотели подчиняться некому правителю, поставленному над ними. В любом случае, очевидно, в 390-х гг. не было достаточно сильного гуннского правителя, который мог бы навязать свою волю всем племенам и не позволить отдельным группам гуннов вести собственные войны и заключать отдельные мирные договоры. И те, кто жил на Венгерской равнине и грабил Паннонию, и те, что вторглись в римскую Фракию, заключали союзы и разрывали их по своей, а не царской воле. Это не исключает возможности совместных согласованных и широкомасштабных действий групп гуннов. Таким был набег в Азию в 395 г.

Вторжение в Азию

Летом 395 г. большие орды гуннов переправились через Дунай возле его устья, повернули на юг и прорвались через Кавказ в Персию и Римские провинции на юг и юго-запад Армении.

Одна группа разорила страну к югу и западу от Антитавра. Когда она переправилась через Евфрат, римляне ее атаковали и уничтожили. Другая группа, которую возглавляли

севера. Гелоны связаны с армянами и противопоставлены южанам Мероэ. Иными словами, они являются тем, чем были со времен Августа, ultimi Gelonae. Гелоны в Paneg.on Avitus, где они все еще носят серповидный меч, просто литературная деталь.

Басих и Курсих, двинулась вдоль равнин Тигра и Евфрата до Ктесифона. Получив сообщение, что на них идет персидская армия, они повернули назад, но их догнали. Один отряд был уничтожен, другие, бросив своих пленных, бежали через Азербайджан и возвратились через Каспийские Ворота в свои степи. Третья группа опустошила восточную часть Малой Азии и Сирию.

В следующем году Восток уже дрожал от страха, опасаясь, что гунны вернутся, на этот раз выступая в роли союзников Персии. Но опасность миновала, возможно, потому, что римляне пришли к соглашению с персами. Когда в 397 г. несколько отрядов гуннов снова вторглись в римскую Армению, их атаки были легко отбиты.

Причиной вторжения 395 г. называют голод в стране гуннов. И на самом деле они увели столько скота, сколько смогли. Но прежде всего они взяли множество пленных. Этот рейд стал широкомасштабной охотой за рабами.

Таковы события в общих чертах. Вместо того чтобы сослаться на тексты в сносках, которые, в свою очередь, потребуют пространных пояснений, я рассмотрю разные темы и проблемы поочередно, используя материал, который обычно приводится только в комментариях.

Источники

Источников так много, что нет необходимости использовать работы сомнительной ценности, такие как, к примеру, The life of Peter the Iberian[43]. Кроме трудов Феодорита (см. ниже) широко освещены греческие и латинские источники, но большинство информации, содержащейся в сирийской литературе, обычно не принималось во внимание. Я ссылаюсь на легенду об Эуфемии и готе, поэму Кириллона (400), Иоанна Эфесского (507–586) и Liber Chalifarum. Во многих отношениях они дополняют западные источники. Некоторые тексты были неверно истолкованы, в результате чего гуннская история предстала перед нами в ложном свете. Достаточно двух примеров.

Аранский историк Филосторгий (368–433) начинает свой подробный рассказ о гуннском вторжении в Азию в 395 г. с короткого экскурса в раннюю историю народа: „Они сначала завоевали и разорили большую часть Скифии, потом пересекли замерзший Дунай и, хлынув через Фракию, опустошили всю Европу“. Эти строки обычно приводятся как относящиеся к гуннскому вторжению во Фракию в том же году. На самом деле Филосторгий „ужал“ три или четыре десятилетия гуннской истории от победы гуннов над готами до начала систематических вторжений в Балканские провинции. Поэт Клавдиан предположительно тоже описал в Invective against Rufinus гуннское вторжение в Европу в 395 г. Но варвары, разорившие „всю территорию, лежащую между штормовым Эвкином и Адриатикой“, были готами, Geticae cavernae. Из церковных историков ни Сократ, ни Созомен не упоминали о гуннском вторжении в 395 г. во Фракию или в любые другие провинции Балкан. Восточные источники, хотя главным образом посвященные событиям на Востоке, ничего не знают о гуннских рейдах во Фракию, не говоря уже о „разорении всей Европы“.

Другой часто неправильно понимаемый отрывок встречается в повествовании Приска о восточно-римском посольстве при дворе Аттилы, Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. В беседе между послами из Рима и Константинополя римлянин Ромул говорит об амбициозных планах Аттилы: „Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и

[43] Согласно биографии святого Эфраима, которую приписывают Симеону Самосатскому, Эдесса была осаждена гуннами еще при жизни святого; он умер в 373 г. Такое важное событие должно было занять центральное место в подробном отчете, который дает об этом периоде Аммиан Марцеллин. Он систематически упоминает Эдессу, но ничего не говорит о ее осаде гуннами. Легендарная биография, вероятно, предвосхитила вторжение 394 г. более чем на два десятилетия.

увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он прийти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что гуннам небезызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что гунны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда… прибыли на родину“.

Писцы, делавшие выборку цитат, урезали текст и, между прочим, сократили следующую непосредственно за ним историю о находке меча Ареса, которая намного лучше сохранилась в „Гетике“.

Сравнение между Приском и Liber Chalifaram показывает, что оба источника повествуют об одном и том же вторжении.

Приск: „…выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что гунны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами“.

Liber Chalifaram: „…когда гунны узнали, что персы выступили против них, они обратились в бегство. Персы преследовали их и отобрали всю добычу“.

Текст Приска также соответствует тексту Иеронима:

Приск: „…римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны“.

Иероним, повествуя о гуннском вторжении 395 г., утверждает: „… в это время римская армия отсутствовала, занятая гражданской войной в Италии“.

Это была война между Стилихоном и Руфином в 395 г. (см. главу 12). Гунны вторглись в Азию, когда большая часть восточной армии находилась в Италии или на переходе в Иллирик; она вернулась в Константинополь и Малую Азию только в конце ноября.

Трудно понять, как, несмотря на свою точность, тексты так часто и так странно понимаются неправильно. Бьюри идентифицировал гуннов с сабирами, Демужо с эфталитами, Томпсон датировал вторжение, о котором рассказал Приск, 415–420 гг., а Гордон, наконец признав, что войну, в которой участвовали римляне, следует датировать, отнес ее к 423–425 гг. То, что лидеры гуннов, приехавшие в Рим для заключения союза, были теми же, кто рвался к Тигру, доказывает, что их местонахождение было в Европе. Гуннские федераты Римской империи не были гуннами Дагестана или Кубанских степей; друзья Аэция жили на Дунае.

Басих и Курсих могли прибыть в Рим в 404 или 407 г. Император Гонорий находился в Риме с февраля по июль 404 г.; двумя годами ранее Стилихон с помощью гуннов нанес поражение Радагасту (Радагайсу). За исключением февраля Гонорий снова был в Риме весь 407 г. и оставался там до мая 408 г. В 409 г. гунны служили в римской армии.

„Хроники Эдессы“ дают точную дату: „В году 706, месяце таммуз [июля 395 г.] гунны достигли Осроены в Северной Месопотамии“. Они вели настоящий „блицкриг“, так что не могли перебраться через Кавказ намного раньше. Годы в сирийских источниках слегка раз-

личаются, но тексты едины в главном. „В дни императоров Гонория и Аркадия, сынов Феодосия Великого, вся Сирия была отдана в их [то есть гуннов] руки предательством префекта Руфина и бездействием генерала Аддая“; „Но римляне убили Руфина, гиппарха Императора, когда он сидел у ног своего повелителя, потому что его тирания стала причиной нашествия гуннов“; „Они [то есть гунны] взяли много пленных и разорили страну; и они дошли до Эдессы. Аддаи, бывший в то время военным губернатором, не дал федератам разрешения выступить против них, из-за измены в их рядах“. Слух о том, что Руфин впустил гуннов в империю, циркулировал и на востоке, и на западе. Руфин был убит 27 ноября 395 г., Аддаи (Addaeus), comes et magoster utriusque militae per orientem, упомянут в эдикте, изданном 3 октября 395 г.

В 396 г. новое гуннское вторжение казалось неминуемым: „Через некоторое время готы снова пришли в Эдессу с неким генералом, который был направлен в это место императором, чтобы охранять его от врагов, я имею в виду персов, и гуннов, которые согласились воевать с этой страной“. Клавдиан тоже ссылался на угрозу войны с персами, но не упоминал о гуннах как об их союзниках. Мы узнаем больше о чувствах сирийцев из поэмы Кириллона: „Каждый день беспокойство, каждый день новые сообщения о несчастьях, каждый день новые удары, ничего, кроме сражений. Восток уведен в рабство, и никто не живет в разоренных городах. Запад наказан, и в его городах живут люди, которые не знают Тебя. Мертвы торговцы, овдовели женщины, жертвы прекратились… север под угрозой, везде бои. Если Ты, о Боже, не вмешаешься, я снова буду уничтожен. Если гунны пленят меня, о Господи, почему я нашел убежище со святыми мучениками? Если их мечи убивают моих сынов, почему я принял Твой возвышенный Крест? Если Ты хочешь отдать им мои города, где будут стоять церкви, возведенные во славу Твою? И года не прошло с тех пор, как они приходили и разорили меня, и взяли моих детей в плен, и вот теперь он снова угрожают, хотят унизить нашу землю. Юг тоже наказан жестокими ордами, юг полный чудес: Твое зачатие, рождение и распятие, где все еще слышен отзвук Твоих шагов. В его реке Тебя крестили, в его водоеме Ты исцелял, в его кувшинах Твое ценнейшее вино, на его коленях Твои ученики возлежат у стола…“

Никакого другого вторжения в Сирию в 397 г. не было, как утверждает Клавдиан. Он попросту переносит события 395 г. в 397-й, приравнивая ненавистного евнуха Евтропия и такого же ненавистного Руфина. Ни греческие, ни сирийские авторы не знали о втором пришествии гуннов. Евтропий сражался с ордами варваров, среди которых были и гунны, на Кавказе.

Ход войны

Если верить Клавдиану, гунны пересекли Кавказ через Caspia claustra, Дарьяльский проход; автор добавляет: они пришли по пути, „откуда их никто не ждал“, потому что северные варвары, как правило, приходили через Дербентский проход. Сейчас уже трудно установить, как далеко проникли гунны на территорию Малой Азии, Сирии и Западной Персии.

Сократ, Созомен и некоторые сирийские источники описывают театр военных действий лишь в самых общих чертах: Армения и другие провинции Востока; Сирия и Каппадокия, вся Сирия. В своем комментарии к Иезекиилю (38: 10–12), вероятно написанном до 435 г., Феодорит хочет доказать, что Гог и Магог, которых он идентифицировал со скифскими народами, живут недалеко от Палестины. Он напоминает читателю, что „в наше время весь Восток был занят ими“. Скифы – это гунны, как и у Иеронима. Они воевали с фригийцами, галатами, иберийцами и эфиопами.

Филосторгий более конкретен: гунны ворвались через Большую Армению в Мелитену, тянущуюся от Евфрата, и добрались до самой Келесирии. Клавдиан говорит о Каппадокии,

горе Аргос, реке Галис, Киликии, Сирии и Оронте. Иероним называет города на реках Галис, Кидн, Оронт и Евфрат. Гунны дошли до Антиохии и Эдессы.

Два сирийских источника дают больше деталей. Во-первых, это выдержки из „Церковной истории“ (Ecclesiastical Histiry) Иоанна Эфесского.

В том же году гунны заполонили страну римлян и опустошили все районы Сирии вдоль гор Кайя (?), а именно Арзон (Арзанен), Миферкет (Мартирополь), Амид, Ханзит и Арсанисат (Арсамосата). Когда они переправились через Евфрат, путь назад был отрезан, и войска римлян собрались со всех сторон против них и уничтожили их, и ни один гунн не спасся.

„Сирия“ здесь означает Месопотамия; перечисленные города расположены в верховьях Тигра и к северу от него. Автор продолжает описывать, как гунны, захватив акведук, вынудили людей, нашедших убежище в крепости Зият, сдаться: почти все они были убиты, немногие уцелевшие уведены в плен.

В Книге халифов (Liber Chalifaram) дан следующий рассказ: „В этом году проклятый народ гуннов вторгся на землю римлян и прошел по Софене, Армении, Месопотамии, Сирии и Каппадокии до самой Галатии. Они захватили много пленных и увели с собой. Но они спустились к берегам Евфрата и Тигра на территории персов и добрались до царского города персов. Они не причинили ему ущерба, но опустошили многие территории на Тигре и Евфрате, убили многих людей, захватили пленных. Но, узнав, что персы выступили против них, они обратились в бегство. Персы преследовали их и убили. Они отобрали всю добычу и освободили восемнадцать тысяч пленных“.

В истории гуннов вторжение в Азию было эпизодом, хотя и немаловажным. Из него можно узнать три важные вещи: во-первых, он показывает, какие огромные расстояния гунны могли преодолевать во время одной кампании; этот факт часто не принимают во внимание при исторической интерпретации изолированных гуннских археологических находок. Во-вторых, гунны уводили молодежь, „юношество Сирии“ в плен. Текст это подтвердил. В-третьих, у Феодорита есть несколько строчек, которые почему-то игнорируются историками, изучающими гуннов. Если верить ему, многие люди в регионах, захваченных гуннами, присоединялись к ним. Одних принуждали к этому; можно предположить, что они становились рабами, выполняя самую тяжелую и неприятную работу. Но другие делали это вполне добровольно. Феодорит не перефразирует Иезекииля и не трактует слова пророка: Иезекииль не говорил, что израильтяне присоединятся к армиям Гога и Магога.

Источник Феодорита неизвестен. Он был маленьким ребенком, когда гунны оказались в опасной близости от Антиохии, где он родился (ок. 393). О перебежчиках к гуннам он мог слышать от других людей. В любом случае этот факт нельзя игнорировать. Позднее я еще вернусь к этому вопросу.

Улдин

После полумифического Баламбера Улдин – первый гунн, названный в литературных источниках по имени. Литературных свидетельств вполне достаточно, чтобы отдельные детали сложились в четкую картину. Мы знаем, когда и где он вел своих гуннов в сражения, и имеем представление о событиях в стране гуннов.

В 400 г. Улдин был правителем гуннов в Мунтении (Румыния), к востоку от реки Олт. Когда Гаинас, бывший мятежный *magister militum praesentalis*, и его готские сторонники хлынули через границы (см. главу 12), Улдин „не считал безопасным позволять варвару со своей армией обосноваться за Дунаем“. Он собрал свои войска и напал на готов. Короткая, но кровавая кампания завершилась победой гуннов. Гаинас был убит. Поскольку только одиннадцатью днями позже его голова была выставлена в Константинополе, последнее сраже-

ние, вероятнее всего, происходило на Дунае недалеко от столицы, и это место соединялось с ней первоклассной дорогой.

Гаинас хотел присоединиться к своим соотечественникам; он бежал „на свою родную землю“. Из этого следует, что в Мунтении готы жили под властью гуннов. Нам неизвестно, как далеко на восток и север тянулось царство Улдина. На западе оно достигало берегов Дуная в Венгрии, что явствует из союза, который заключил с военачальником Западной Римской империи Стилихоном в 406 г.

В конце 405 г. Италия, едва оправившись после первой готской войны, снова подверглась нашествию готов. Под предводительством своего царя Радагаста варвары вторглись в Венецию и Ломбардию[44], захватили Тоскану и уже приближались к Риму, когда были наконец остановлены. Регулярная римская армия была слишком слаба, чтобы сдержать мощный поток германцев. Стилихон обратился к гунну Улдину и готу Сару (Сарусу) за помощью. Недалеко от местечка Фаезула (Faesulae) гуннские части окружили большое число воинов Радагаста, сам он пытался спастись, но был схвачен и казнен (апрель 406 г.). Уцелевших пленных продали в рабство. Что случилось с готами, которых не было с Радагастом, неизвестно. Судя по всему, некоторые вступили в армию Стилихона, возможно, некоторые сумели вернуться домой за Дунай. Готскую нацию „навсегда“ истребили. Во всяком случае, именно это было написано на триумфальной арке, возведенной в 406 г.[45], за четыре года до взятия Аларихом Рима.

Часто выдвигалось предположение, что готское вторжение было повторением событий 370 г. Готы Радагаста якобы бежали от гуннов, которых, в свою очередь, теснили на запад другие группы кочевых племен, а тех заставили прийти в движение беспорядки на Дальнем Востоке. Хорошо известная теория бильярдного шара, primum movens, сработала и „на обширных долинах Евразии“. Однако ничто у наших авторитетных авторов не указывает на то, что за Радагастом стоял некий иной лидер варваров, чей народ был тесним другим народом, и т. д.[46] Мы только знаем, что готы пришли из стран за Дунаем.

Если они действительно бежали от кого-то, это было не беспорядочное бегство. Хотя цифры у Орозия и Зосимы сильно преувеличены (по Орозию – более 200 тысяч готов), мы верим, что Радагаст вел в Италию действительно большую армию. Готские воины не были налетчиками-мародерами; они являлись вооруженной частью народа, идущего по пути к новому дому. Из факта – если это действительно так, – что Радагаст был язычником[47], неко-

---

[44] Из утверждения Зосимы, что Радагаст, «собрав 400 тысяч кельтов и германцев, живших за Истром и Рейном, приготовился идти в Италию», Зеек сделал вывод, что Радагаст шел через перевал Бреннер. Он идентифицировал кельтов с алеманнами. Но рассказ Зосимы о готском нашествии является смесью надежной информации и явной чепухи. В 405–406 гг. он работал самостоятельно. Евнапий, один из авторов, трудами которого Зосима активно пользовался, завершил свою историю в 404 г., а другой автор, Олимпиодор, начал свои труды только в 407 г. Очевидно, Зосима нашел в работах последнего краткую ретроспективу событий, предшествовавших кампании Алариха 408 г., и воспользовался ею для создания очередной галиматьи. В частности, он утверждал, что Стилихон разгромил Радагаста по ту сторону Дуная. Demougeot (1951. 356–357) не ссылается на Зосиму, но тоже полагает, что Радагаст шел через Бреннер. Дорога через Юлианские Альпы, по ее мнению, охранялась Аларихом – там была построена крепость Равенна. Но ведь эту крепость не раз обходили, да и сам Алариx в это время находился в Эпире. Флавия Солва (Лейбниц), возможно, была уничтожена готами Радагаста.

[45] Olympiodorus допускал краткие формы. В выборках Фотия мы читаем: «Главные люди готов с Радагастом, числом более 12 тысяч, называемые optimati, разгромлены Стилихоном, который вошел в союз с Радагастом». В оригинал речь шла, конечно, не о Радагасте, а об optimati. В своих работах Маззарино (*Mazzarino*, 1942. 377. № 4; и др.) тщетно пытается объяснить 12 тысяч optimati. Эта цифра – плод фантазии Олимпиодора.

[46] Гиббон напрямую связывал наступление Радагаста на Рим с подъемом сяньби «на восточной оконечности Азиатского континента».

[47] Орозий утверждает, что Радагаст обещал принести в жертву своим богам кровь всей римской нации, но варвары, вторгшиеся в Италию, от кимбров и далее, хотели получить землю, на которой могли осесть, и чтобы покоренные народы работали на них, а вовсе не найти свою гибель. Августин даже вроде бы «знал» имя главного бога Радагаста – по его словам, это был Юпитер, что чистейшей воды вымысел.

торые ученые сделали вывод, что его армия была остготской, поскольку предполагается, что к 400 г. все вестготы уже стали добрыми христианами. Но вестгот Фравитта, консул в 401 г., генерал Восточной Римской империи, считался убежденным язычником, и среди вестготов за римской границей, должно быть, еще имелось много некрещеных. Кроме того, запись в хрониках 452 г. доказывает, что среди готов Радагаста были арианские христиане. Пач вполне мог оказаться прав, предполагая, что большая часть этих людей пришла из Кукаланда.

Нет оснований предполагать, что гуннские вспомогательные части Стилихона прибыли издалека, именно из Добруджи. Гунны создавали лагеря в Венгрии уже с 378 г., где, как мы видели, они хорошо освоились в середине 380-х гг. Гунны определенно не собирались добровольно отказываться от своей земли, а врага, достаточно сильного, чтобы вытеснить их, не было. Стилихон заключил союз с венгерскими гуннами. Царем гуннов, обитавших к западу и к востоку от Карпатских гор, в Альфёльде и в Мунтении, был Улдин. Он не являлся повелителем гуннских племен. Даже Аттила, находясь на вершине могущества, таковым не был. Но Улдин мог бросить своих всадников в Италию и во Фракию. Зимой 404/05 г. он вторгся в Балканские провинции. У Созомена мы читаем: „Примерно в это время к расколу, который чрезвычайно тревожил церковь, добавились, как это нередко бывает, беспорядки и суматоха в государстве. Гунны переправились через Истр и разорили Фракию. Грабители в Исаврии набрали большую силу, они грабили города и деревни между Карией и Финикией“.

Когда Созомен прерывает свой рассказ о синодах, выборах епископов и борьбой между враждующими кликами и снисходит до мирских дел, он видит их, за редким исключением, только в части их влияния на бесконечную борьбу между православием и ересью. Даты церковной истории даются им с большой точностью, зато политические события обычно происходят „примерно в это же время“. Но все же, по моему мнению, первое вторжение Улдина во Фракию может быть датировано довольно точно.

Упомянутый „раскол“ был борьбой между патриархом Александрии Феофилом (384–412) и Иоанном Златоустом. Главы 20–24 книги VIII охватывают период с осени 403 до ноября 404 г.[48] В главе 26 Созомен приводит перевод писем, которые осенью 404 г. папа Иннокентий посылал Иоанну. В главе 27 он упоминает о смерти императрицы Евдоксии (6 октября 404 г.), Арсакия (конец 405 г.) и рукоположении Аттика, его преемника (в конце 405 или в начале 406 г.). Поэтому вторжение во Фракию попадает на 404–405 гг. Я не сомневаюсь, что его можно датировать еще точнее. Из писем Иоанна Златоуста нам известно, что исаврийцы вырвались из долин горы Тавр летом 404 г., вероятнее всего в июне. Они потерпели серьезное поражение[49]. В следующем году они повторили свои набеги, на этот раз почти по всей Малой Азии. Как утверждает Зосима, в 404 г. исаврийцы еще не умели брать окруженные стенами города, поэтому захват городов и деревень, о которых говорит Созомен, вероятнее всего, произошел в 405 г. Трансдунайские варвары обычно переходили реку зимой по льду, когда флот оставался обездвиженным, и возвращались обратно таким же путем. Все эти соображения приводят к выводу, что вторжение гуннов во Фракию, вероятнее всего, имело место зимой 404/05 г.

Созомен – единственный из ранних писателей – упомянул о нем. Повествование Никифора Каллиста (1256–1311) – является пересказом, но с одним примечательным исключением: он дает имя гуннскому лидеру – Улдин. Главным источником Никифора, вероятно, была компиляция X в., основанная на трудах Филосторгия, Сократа, Созомена, Феодорита и Евагрия. Кто из этих авторов назвал Улдина, установить невозможно. Вероятно, это был Филосторгий, из трудов которого до нас дошли только отрывки, или Созомен, поскольку

[48] Как правило, исаврийцы не спускались со своих гор до Троицы. В 404 г. Троица выпала на 5 июня.

[49] Арбазакий победил их, когда императрица Евдоксия была еще жива.

крайне маловероятно, что текст Созомена, в том виде, в каком мы его знаем, полностью идентичен с оригиналом. Возможность того, что Никифор сам придумал это имя, можно исключить. Он был слишком зависимым от источников, чтобы вносить в них изменения. Максимум, что он мог сделать, – слегка приукрасить то, что другие написали до него. В общем, можно утверждать с определенностью, что имя Улдина как гуннского лидера 404–405 гг. упомянул кто-то из ранних авторов.

Созомен говорит о вторжении лишь мельком. Это мог быть быстрый набег, или гунны неделями или даже месяцами грабили неудачливые провинции. В любом случае он стал менее важным, чем тот, что несколькими годами позже привел всадников Улдина в глубь территории Фракии.

Летом 408 г. гунны переправились через Дунай. Они, как обычно, были хорошо знакомы с текущей ситуацией на Балканах и выбрали правильное время для нападения. Весной 408 г. Стилихон отказался от своего плана бросить вестготов Алариха в Иллирик. Вскоре после этого они уже находились на марше в Италию.

Когда опасность готского вторжения миновала, значительная часть восточно-римской армии выдвинулась на персидскую границу, где со дня на день ожидалось начало противостояния[50]. Правительство в Константинополе знало, что трансдунайские гунны могут воспользоваться временным ослаблением балканской армии для набегов на пограничные провинции. В апреле 408 г. Геркулий, преторианский префект Иллирика, получил указание „принудить всех, независимо от привилегий, принять участие в сооружении стен, а также завезти всякого рода припасы для нужд Иллирика“[51]. Если гунны обойдут укрепления, они смогут некоторое время грабить незащищенные деревни, но со временем будут вынуждены вернуться обратно в свой варварский мир. Римляне не ожидали, что гунны сумеют взять стратегически важную крепость Кастра-Мартис в Дакии, благодаря предательству. Попали ли другие укрепленные города в руки гуннов, неизвестно, но это вполне возможно.

Наш главный источник, из которого мы знаем о втором нашествии гуннов Улдина, „Церковная история“ (Ecclesiastical History) Созомена, другой – комментарии Иеронима к Исаии (Commentary on Isaiah), игнорировался всеми знатоками гуннов. Комментируя 7: 20–21, Иероним писал:

> „Но теперь большая часть римского мира напоминает Иудею прошлого. Этого, мы верим, не могло произойти без воли Господа. Он использовал… дикие племена, чьи лица и язык устрашающи, у которых женоподобные и глубоко порезанные лица и которые пронзают спины бородатых людей, когда они бегут“.

Это было написано в июне или июле 408 г.[52] Судя по описанию варваров, Иероним писал о гуннах. Ранее не известные, они резали свои лица, чтобы не росла борода. Как

---

[50] Как показывает эдикт от 23 марта 409 г., напряжение завершилось заключением нового торгового договора.

[51] Этот эдикт, датированный 11 апреля 408 г., практически идентичен эдикту, изданному 9 апреля 412 г. Зеек первым предположил, что оба эдикта должны быть датированы 9 апреля 407 г., когда Аларих угрожал вторжением на восток Иллирика. Позднее он признал, что оба эдикта обеспечивали защиту городов, открытых для нападений гуннов. Штейн с некоторыми колебаниями отнес эдикты к 412 г. Томпсон датирует их 412 г., Маззарино – 407 г., можно почти не сомневаться, что даты обоих эдиктов, указанные в Codex, правильные. Первый относится к критическому времени в начале 408 г., второй является повторением годом позже.

[52] В предисловии к книге XI Иероним упоминает о казни Стилихона в августе 408 г. Точную дату, когда эта новость стала известна, установить невозможно. Он знал, что его враги, в особенности «скорпион» Руфин, осыпали злобными нападками его работу о пророке Данииле, в которой он приравнял Римскую империю к последнему из четырех царств; он имел все основания бояться, что на него донесут властям, а это значит, всемогущему Стилихону, как о человеке, искажающем Священное Писание. Несомненно, римские корреспонденты Иеронима немедленно сообщили ему о смерти Стилихона. У Иеронима были хорошо налаженные связи с друзьями на Западе. Мы можем предположить, что Иероним узнал о смерти Стилихона в сентябре или октябре. Он писал свой комментарий в большой спешке. Первую книгу Иероним продиктовал

я уже говорил, Иероним использует описание гуннов Аммиана. Важна дата написания отрывка в комментарии и, в особенности, фраза [„Ferae gentes] bene barbatorum fugientia terga confodiunt“. Если Иероним в далеком Иерусалиме летом 408 г. получил сообщение о поражении римских войск от гуннов, потери должны были быть необычайно высокими.

Даже по нравоучительному повествованию Созомена можно почувствовать, насколько серьезной была ситуация. Имея очень маленькую армию, римский командующий во Фракии не мог отбросить гуннов. Он выдвинул мирные предложения, на которые Улдин ответил, указав на встающее солнце, что он с легкостью, если пожелает, подчинит всю территорию земли, освещаемую этим светилом. Но пока Улдин упражнялся в велеречивости и повелевал собрать огромную дань, без которой война будет продолжаться, Бог явил Свою милость к существующей династии. Вскоре после этого его собственные люди и капитаны! (о##ε#οι #αὶ λοχαγοί) принялись активно обсуждать римскую форму правления, филантропию императора, его быстроту и либеральность в вознаграждении своих людей. В итоге значительная часть гуннского войска перешла к римлянам. Обнаружив себя покинутым, Улдин с большим трудом успел спастись на другом берегу реки. Многих варваров убили и взяли в плен, и среди прочих – племя скиров. До этого несчастья оно было довольно сильным и многочисленным. Пленных доставили в Константинополь в цепях. Власти считали, что если они останутся вместе, то непременно взбунтуются. Некоторых продали в рабство по низкой цене. Тем, кто остался непроданным, было велено селиться в разных местах. Созомен видел скиров в Вифинии и у горы Олимп. Они жили далеко друг от друга и занимались земледелием.

Созомен не упоминает, когда именно закончилась война, но из эдикта от 23 марта 409 г. можно сделать вывод, что к этому времени гунны уже вернулись за Дунай[53].

Рассказ Созомена, конечно, не следует принимать буквально. Скиры вовсе не исчезли с исторической сцены. Но хвастовство Улдина представляется истинным, и Созомен, несомненно, правильно изложил содержание его требований. Таким образом, впервые наш источник упомянул о цели гуннского вторжения. Целью Улдина являлись не просто грабежи и захват пленных, которых можно было продать в рабство. Не требовал он и римских территорий. Римляне попросту не имели достаточно просторных пастбищ, чтобы на них могли обосноваться все гунны, которых вел Улдин. Если бы, однако, какие-то группы остались в империи, как те, что жили в районе Эскуса, они были бы отделены от других племен, а это не отвечало интересам Улдина. Поэтому он и потребовал дань, видимо фиксированную ежегодную сумму.

Гунны ехали верхом, а скиры, вероятнее всего, были пехотинцами. Эдикт от 12 апреля 409 г. касался только поселений скиров. Пленных гуннов или убивали, или забирали в армию. Кто такие „собственные люди“ Улдина, не вполне понятно. Выражение могло обозначать всего лишь людей, которые в тот момент были с ним. Члены о##ία Велизария, о которых в VI в. так часто упоминает Прокопий, вовсе не обязательно были его соплеменниками. Павел, к примеру, был киликийцем, Атаульф стал преемником человека из числа приближенных Сара. Слово lochagos тоже не слишком хорошо определено. То, что некоторые lochagos перешли к римлянам вместе с войсками, вроде бы означает, что существовала тесная связь между ними и их соратниками. Аммиан и Орозий говорят о cunei гуннов. Хотя cuneus в их интерпретации – это тактическая единица, слово вполне могло сохранить, по крайней мере частично, значение, которое оно имело у Тацита: „Их эскадроны или батальоны, вместо того чтобы формироваться произвольно и случайно, составлялись из семейств и кланов“ („Non casus nec fortuita conglobation turnam aut cuneum facit sed familiae et propinquitates“).

---

celeri sermone, вторую, где он говорит о войне с дикарями, должно быть, в июне или июле.

[53] «Мы повелеваем, чтобы, когда кто-нибудь из жителей наших провинций обзавелся добром, которое было получено от грабежа варваров и трофеев, которые они захватили, он может взять это в свой дом».

Единство царства Улдина была сильно преувеличено, но недооценивать его тоже нельзя. Улдин был не лидером небольшой фракции, а большой группы племен, способных активно действовать на равнинах Румынии и Венгрии. И все же, хотя зарождающаяся царская власть со временем укреплялась, она была очень далека от стабилизации. Насколько она ослабла в последние годы правления Улдина, станет ясно, когда мы вернемся на Запад.

Незадолго до вторжения гуннов в Балканские провинции вестготы начали длительную миграцию, которая веком позже завершилась в Испании. Нет никакой необходимости подробно повторять предшествующие ей события. Они были всесторонне представлены Маззарино в его шедевре Stilicone. Для наших целей достаточно краткого обзора.

После сражения при Вероне летом 402 г. Аларих повел свои войска обратно на Балканы. В последующие три года он строго соблюдал свой договор со Стилихоном. Из „варварского региона, граничащего с Далмацией и Паннонией“, отведенного для них, вестготы совершали периодические набеги в Восточный Иллирик, но соблюдали осторожность, чтобы не спровоцировать конфликт с Западом. Так было потому, что они еще не совсем оправились от поражений, но в основном так как они надеялись установить более тесную и близкую связь со Стилихоном. В 405 г. он заключил foedus с Аларихом, союз для завоевания Восточного Иллирика. Готскому царю пообещали пост военного магистра в Иллирике. Он перешел в Эпир и оставался там еще три года. Сначала вторжение Радагаста, потом восстание Константина заставили Стилихона отложить Иллирийскую экспедицию, и в конце концов о плане забыли.

В начале 408 г. Аларих выступил против Запада. К маю (до того, как новость о смерти Аркадия, умершего 1 мая 408 г., достигла Рима) он подошел к Норику, но где разбил лагерь, точно установить невозможно. Важно, что он прошел через Эмону (современная Любляна). Путь из Эпира в Эмону лежит через Паннонию Секунду и Савию[54].

Из всех знатоков гуннов только Альфёльди (1926. 87) осознавал, что их бездействие в богатые событиями 408–410 гг. требует объяснения. Как мы сейчас убедимся, они не были так уж тихи и спокойны. Но это правда – Аларих в 408 г. мог продвинуться на Запад, как будто гуннов не было вовсе, тех, которые, как правильно подчеркивает Альфёльди, всегда были готовы половить рыбку в мутной воде.

Альфёльди предполагает, что они не присоединились к готам, потому что были союзниками римлян. По его мнению, Стилихон устроил их на правах федератов в провинции Валерия в том же году, в котором, предположительно, юный Аэций отправился к гуннам заложником[55].

Если эти предположения верны, гунны, должно быть, не сторонились сражений. Они должны были нападать на готов и наносить удары по правому флангу, пока люди Алариха медленно двигались на своих повозках в Эмону. Но гунны не присоединились к готам, равно как и не выполнили своих обязательств как союзники римлян.

---

[54] Бьюри считал, что Аларих двигался из Сирмия в Эмону.

[55] Обычно считается, что юный Аэций именно в это время был отправлен к гуннам в качестве заложника. Дата этого события точно не установлена. «Аэций был три года заложником с Аларихом, тогда с гуннами»; явно укороченная цитата из труда Рената Фригерида на самом деле точнее, чем кажется на первый взгляд. Бьюри высказал догадку, что Аэций был одним из заложников, которых в 409 г. Аттал передал готскому царю. Но Аларих в следующем году умер. Мог Аэций отправиться к Алариху в 405 г.? Таков тезис Зеека и ряда других авторов. Маловероятно. Достаточно прочитать Меробавда, чтобы убедиться: стихи не могут относиться к годам после заключения foedus в 405 г. Аэций, утверждает Меробавд, intentas Latio faces removit ae mundi pretium fuit paventis. Даже с учетом всех преувеличений, которые можно ожидать от автора панегириков, Меробавд не мог сказать, что Аэций «укротил ярость врага», что перед тем, как он отправился к готам, «мир был готов пасть перед скифскими мечами, и снаряды северных варваров громили Тарпейскую силу». Ведь именно в это время Стилихон заключил союз с Аларихом, который оставался на Балканах. Стихи описывают ситуацию, сложившуюся после войны 402 г. Поэтому я принимаю дату Альфёльди. Аэций оставался в заложниках у Алариха с 402 по 404 или 405 г. Из deinde Chunorum вовсе не следует, что Аэций, только что вернувшийся от готов, был сразу отправлен к гуннам. Это могло быть, как считает Альфёльди, в 406 г. или позже.

Причина неактивности гуннов, на мой взгляд, довольно проста. Они не воевали в Паннонии Секунде и Савии, потому что находились с Улдином в Иллирике и Фракии. Отнеся вторжение Улдина к 409 г. вместо 408, Альфёльди стал искать объяснение тому, что такового не требовало.

Это вовсе не значит, что гунны последовали за Улдином все до последнего всадника. Часть их была еще в западно-римской армии под командованием Стилихона, да и в Равенне имелся гуннский гарнизон после казни великого ductor (вождя) в августе 408 г. Кроме того, многие гунны, должно быть, остались дома, чтобы не допустить восстания своих подданных, пока „мобильная армия“ сражалась к югу от Дуная. Это было, по моему убеждению, еще одно основание не вмешиваться в войну между Аларихом и римлянами.

Гунны активизировались на Западе только после возвращения орд Улдина за Дунай. Насколько поражение подорвало его авторитет, можно понять из двух фрагментов в труде Зосимы, который скопировал их у Олимпиодора.

Говорят, что летом 409 г. Гонорий позвал на помощь 10 тысяч гуннов. Многие историки безоговорочно принимают эту цифру, как будто она приведена в официальном документе. На самом деле это одно из преувеличений, которые были свойственны Олимпиодору. Чего достигли эти 10 тысяч гуннов? Ничего. В конце года Алариx снова стоял у ворот Рима. В 410 г. он вошел в Ариминум, Эмилию, Лигурию, потом снова в Ариминум. В августе он взял Рим. И мы ничего не слышим о гигантской армии гуннов. Очевидно, это был маленький контингент, состоящий из нескольких сотен всадников. Но все же факт, что некоторое количество гуннов присоединилось к римской армии, в то время как другие сражались против нее, говорит об ослаблении царской власти.

В конце 409 г. вестготы в Верхней Паннонии – часть армии Алариха, которая по каким-то причинам не была с ним, – вошла в Италию. К ним присоединились гунны, число которых, вероятно, было небольшим. И они тоже действовали самостоятельно.

А другие, возможно те, кто еще подчинялся Улдину, воевали с римлянами в Паннонии. Летом или осенью 409 г.[56] Гонорий „поручил Генериду командование силами в Далмации; он уже был генералом армии в Верхней Паннонии, Норике и Реции до самых Альп“. Фрагмент трактовался по-разному. Свобода вообще считал его выдумкой, утверждая, что после 395 г. в Верхней Паннонии не было войск. Альфёльди полагает, что это подтверждает его мысль об уступке к тому времени Валерии гуннам. Лот пошел на шаг дальше. Из того факта, что ни Валерия, ни Паннония Секунда не были под командованием Генерида, он сделал вывод, что обе провинции уже не принадлежали римлянам.

Ни одна из этих гипотез не подтверждается литературными или археологическими свидетельствами, прямыми или косвенными. Даже когда Аттила был на вершине власти, часть Паннонии Примы удерживалась римлянами, и, вероятнее всего, официальной „уступки“ Валерии никогда не было.

У Генерида не было строго определенного титула или ранга. Он был „одним из тех командиров полевыми силами, которые были назначены во время правления Гонория, отвечая потребностям времени“. Его положение в названных провинциях – Эггер назвал его Generalkommando – не означает, что не было римских войск в неназванных провинциях. Да, у нас нет информации о силах римлян в Валерии, но если бы не Vita s. Severini (Житие святого Северина), ее не было бы и о гарнизонах в Норике.

В своей языческой предвзятости Зосима, вероятно, преувеличил достижения своего собрата по религии Генерида, который, как утверждают, тренировал своих солдат, заботился

[56] После того как Олимпий был отстранен от должности, весной или в начале лета 409 г., и до второго марша Алариха на Рим в конце 409 г. Бьюри датировал назначение Генерида 408 г., но генерал-язычник принял должность только после появления закона от 14 ноября 408 г., запрещавшего «всем врагам католической веры» militare (воевать, служить) в императорском дворце.

о том, чтобы они получали необходимый рацион, и делился с ними всем, что имел: „Он был ужасен с соседними варварами и обеспечивал безопасность провинций, которые его поставили охранять“.

Не существовало других значимых „соседних варваров“, кроме гуннов. Разница между 408 и 409 гг. не может не удивлять. В 408 г. гунны на Западе оставались в покое. В 409 г. войска от Реции до Далмации были отданы под командование одного человека, чтобы дать им отпор.

Картина, которая вырисовывается на основании источников и их предположительной интерпретации, представляется весьма туманной. Тем не менее мы можем распознать четыре группы гуннов начала 400-х гг. Первая – это Улдин и его сторонники, которые, возвращаясь после кампаний в Иллирике и Фракии, воевали с войсками Генерида, вторая – гунны, которые в 408 г. составили часть римской армии в Италии, третья – гунны, присоединившиеся в 409 г., четвертая – группа, которая выступила с вестготами Атаульфа против римлян. Общая картина, полученная при сложении немногочисленных частиц информации, являет собой распад власти „первого царя гуннов“ – так Олимпиодор называл Улдина.

В свое время имел место распад гуннско-аланского союза. До 338 г. гуннов и аланов постоянно называли в источниках вместе, причем гунны чаще всего, хотя и не всегда, занимали первое место. Но в 394 г. только трансдунайские аланы, которых возглавил Саул, присоединились к императору Феодосию. Из гуннов только те, которые находились во Фракии, выступили под штандартами императора. Аланы, но не гунны, служили Стилихону в 398 г. и, все еще под предводительством Саула, в 402 г. Но в 406 г. вспомогательные части варваров Стилихона уже состояли из гуннов и готов; его телохранителями были гунны. Гунны, но не аланы служили в римской армии в 409 г.

После 406 г. западные авторы упоминали об аланах только в Галлии, Испании и Африке. Ни один из писателей V в. не говорит о союзе гуннов и аланов. Иордан знал о сарматах, а не об аланах в Паннонии. Немногие аланы, которые после падения царства Атиллы обосновались в Скифии и Мёзии, очевидно, пришли туда из Валахии. Все это не может быть простым совпадением, и на самом деле мы знаем причину: аланы перебрались со своих прежних мест в Галлию; вместе с вандалами они пересекли Рейн в последний день 406 г.[57]

* * *

Почему аланы разорвали союз с гуннами, неизвестно. Орозий намекает, что отношения между двумя народами после 402 г. уже были напряженными. „Я ничего не говорю, – пишет он, – о множестве внутренних конфликтов между самими варварами, когда две cunei готов, а потом аланы и гунны уничтожили друг друга во взаимной бойне“. Странно, но этот фрагмент был неверно понят. Многие авторы считали, что Орозий ссылался на войны между гуннами и аланами, происходившие там, где они жили, – где-то на Востоке. Но ведь Орозий, который всегда ликовал, когда мог сообщить, сколько варваров было убито в том или ином сражении, не стал бы сожалеть о взаимной бойне врагов Рима. Орозий taceo ссылается на события, неудачные для Рима: спасение потерпевшего поражение Алариха, и „несчастливые дела в Полленции“. Cunei гуннов и аланов были римскими вспомогательными частями, и Орозий сожалеет, что Стилихон не смог предотвратить столкновения в своей собственной армии[58]. В

[57] Сарматы, гепиды и римские переселенцы присоединились к ним в Венгрии, а также – осколки германских племен, мигрирующих на Запад. Хронисты называют только вандалов и аланов, так что число других варваров, к ним присоединившихся, очевидно, было невелико. На гепидов в Галлии, возможно, указывает туманная запись at Gippidos Burgundiones intra Galliam diffusi. Сарматов называет Paulinus of Perigueux.

[58] Кулаковский подошел очень близко к правильному толкованию.

то время как готские войска сражались друг с другом, антагонизм между гуннами и аланами, если и существовал, мог быть только способствующим фактором.

Согласно Прокопию, вандалы покинули Венгрию, потому что „их гнал голод“. Возможно, людей стало слишком много, и возможности региона по обеспечению населения продовольствием оказались исчерпанными. То же самое может быть справедливым и для аланов. Столкновения с гуннами и нежелание вечно быть младшими партнерами в союзе, что было выгодно только гуннам, могли стать для аланов дополнительным стимулом в поисках нового дома.

Гуннская знать, родственники и приближенные Аттилы имели или турецкие, или германские имена. Среди них имелось немного аланов – если они были там вообще. Поскольку ни один народ не мигрировал целиком – до последнего человека, – некоторое количество аланов, предположительно, осталось в Венгрии и после 406 г., но они играли незначительную роль. Большинство лидеров племен и кланов покинули территорию.

Харатон

Ни один период гуннской истории не тонет во мраке так полно, как 410-е и 420-е гг. Утрата „Истории“ Олимпиодора, написанной во второй четверти V в., является, по словам Томпсона, „катастрофой для нашего знания кочевников“ (1948.8). Это правда, что Олимпиодору не хватало способностей, чтобы представить богатейший материал, находившийся в его распоряжении, в связном повествовании (сам автор называл историю „лесом“). Поэтому временами он был легковерным, а его цифры – фантастическими. Однако из всех авторов V в. только он и Приск путешествовали в страну гуннов. Что бы мы только не отдали, чтобы иметь его рассказ о переговорах с царем Харатоном, вместо нескольких строчек, в которые эту информацию вместил Фотий. Я назвал эту часть главы именем царя гуннов скорее в соответствии с заголовками других частей, чем для обозначения ее содержания. Все, что мы имеем из покрытых мраком двух десятилетий, – это ряд изолированных фактов. Как это ни парадоксально, но именно отсутствие информации о гуннах в некоторых случаях проливает тусклый свет на события.

У Олимпиодора мы можем прочитать следующий фрагмент: „Донат и гунны и ловкость их царей в стрельбе из лука. Автор рассказывает, что сам был послан с миссией к ним и Донату, и приводит трагический рассказ о его странствиях и опасностях на море. Как Донат, обманутый клятвой, был незаконно предан смерти. Как Харатона, первого из царей, разгневанного убийством, умиротворили подарками от императора“.

Дата – конец 412 или начало 413 г., после смерти Сара, о которой упоминается в предыдущем фрагменте, и до того, как Иовиан назначил своего сына Себастьяна цезарем, о чем говорится в этом (в исторической литературе часто говорится, что Себастьян был не сыном, а братом Иовиана. – *Пер.*). Утверждение Альтхайма, что Харатон и Улдин правили вместе до 414 г., не имеет документальных подтверждений, но он обоснованно отвергает гипотезу о том, что Донат был гуннским царем.

Из этих коротких строчек, написанных Олимпиодором, было сделано несколько необоснованных выводов. Харатон якобы является преемником Доната. В тексте ничего подобного не сказано. Предполагая, что Олимпиодор был послан к гуннам восточно-римским правительством, большинство историков помещают центр гуннской власти на побережье Черного моря. Это определенно неверно. Как отметил Томпсон, „История“ Олимпиодора касается исключительно Западной Римской империи. Хёдике (Haedicke) предположил, что Олимпиодор состоял на службе правительства Равенны. Знание Олимпиодором латыни, его использование латинских слов и латинских форм имен варваров действительно не оставляют обоснованных сомнений в том, что Хёдике прав. Олимпиодор, посланный к гуннам

Гонорием, пересек не Эвксин, а Адриатическое море. Гунны, которых он посетил, жили в Венгрии. Как долго „правил“ Харатон, неизвестно, как и количество племен, признававших его верховную власть. Если гунны, жившие к северу от нижнего течения Дуная, принадлежали к конфедерации, возглавляемой Харатоном, а такой возможности исключить нельзя, они определенно не чувствовали себя связанными соглашениями, которые он заключил с Гонорием. „Их“ римляне жили на Востоке.

Новые набеги на Фракию

В то же время, когда Гонорий посылал подарки Харатону, снова зашевелились гунны в Мунтении. Малая Мёзия и Скифия не были защищены от нападений варваров. Преторианский префект Анфемий делал все возможное, чтобы укрепить границу, в первую очередь дунайский флот. В 413 г. стены Константинополя были перестроены и увеличены. Несмотря на неоднократные приказы, строго ограничивавшие торговлю с варварами, предприимчивые торговцы находили пути и средства ведения дел с ними. Декрет от 18 сентября 420 г. отличается от всех предыдущих в одном важном аспекте: он запрещает экспорт merces inlicitae на судах. Мог он быть направлен на торговлю с гуннами на побережье Черного моря и прилегающей к нему территории? Чтобы ответить на этот вопрос, придется сделать небольшое отступление.

В третьей четверти III в. готы были кошмаром Азии. Из черноморских портов они плыли до Ионии; герулы взяли Лемнос и Скирос, бораны разграбили Питиус (Пицунда) и Трапезунд (Трабзон). Но гунны никогда не выходили в море.

Готы, в общем, тоже не были моряками. Когда в последнем десятилетии готской власти в Италии царь Тотила (541–552) решил построить флот, чтобы лишить Византию до этого времени неоспоримого господства в итальянских водах, он не мог найти достаточно готов, чтобы обеспечить корабли экипажами. Морское сражение при Менигаллии, в котором римляне потопили или захватили 36 из 47 вражеских кораблей, стало концом готского флота. Корабли Тотилы строили римляне. А плавсредства, которые в III в. везли варваров через Эвксин, были построены в Пантикапее, и ими управляли боспорские команды. Неспособные управлять кораблями самостоятельно, готы и бораны вынудили боспорцев обеспечить их конвоями для экспедиций в Понт, Пафлагонию и Вифинию. Почему военные действия готов прекратились после 276 г., мы не знаем. Но возможно, не являлось совпадением то, что Дакия была оставлена примерно в это же время. С переселением большой части готов в бывшую римскую провинцию племена, жившие к востоку от них, смогли продвинуться на запад. Они, конечно, жаждали добраться до богатств римских городов, но все же в первую очередь желали получить землю, чтобы осесть. Это не касалось гуннов. Почему тогда они не стали пиратами, как готы до них и славяне после? Они пытались. Не получилось.

В 419 г. Асклепиад, епископ Херсонеса, обратился к императору с просьбой освободить от наказания „тех, кто выдал варварам искусство строительства кораблей, доселе им неведомое“. Просьба была удовлетворена. „Но, – было сказано в конце эдикта, – мы повелеваем, чтобы смертной казнью карались те люди, равно как и любые другие, если они совершат нечто подобное в будущем“.

Херсонес был единственным местом на Западном побережье Крыма, все еще остававшимся под римским правлением. По соседству жили готы и гунны. Крайне маловероятно, что крымские готы в своих горных домах вдруг захотели строить корабли. Остаются гунны. Возможно, им нужны были корабли и для пиратских набегов, и для торговли. Но они никак не могли их получить. И правительство в Константинополе позаботилось, что римские корабли не ходили в Эвксинскую Гуннию. Если гунны хотели merces inlicitae, им приходилось грабить пограничные провинции, что они и делали.

3 марта 422 г. Феодосий II издал следующий эдикт, на который не обратили должного внимания исследователи гуннов: „Наши самые преданные солдаты, возвращающиеся после сражений или отправляющиеся на войну, должны иметь для себя комнаты на нижних этажах каждой башни новой стены священного города. Владельцы земли не должны оскорбляться на основании того, что приказ, который был издан относительно общественных зданий, нарушен. Даже частные домовладельцы обычно выделяют треть своего пространства для этой цели“.

За девять лет до этого землевладельцы, на участках которых была воздвигнута стена, получили иммунитет от закона об обязательном расквартировании. Верхняя часть башен оставлялась для военных целей, а нижняя – могла использоваться землевладельцами без ограничений. Если представить, какой тяжелой и ненавистной обязанностью было обязательное расквартирование солдат и как тщательно правительство избегало использовать этот инструмент больше минимума, вызванного военной необходимостью, становится ясно, что ситуация вокруг Константинополя и внутри города была крайне напряженной. Только воистину отчаянное положение могло вызвать необходимость отмены постановления, которое должно было „соблюдаться вечно“. В переводе с юридического на военный язык эдикт говорит следующее: гарнизон столицы должен находиться в постоянной боевой готовности против врага, который рядом. Короткая запись в латинской хронике Марцеллина Комита, датированная 422 г., еще более проясняет картину: „Гунны разорили Фракию“.

Нигде в гуннской истории так отчетливо не проявляется односторонность наших источников. Отряды гуннов сражались с римскими солдатами почти у ворот Константинополя. Но ни слова об этом не появилось в подробных церковных историях, ни намека нет в обширной теологической литературе этого времени. Феофан отметил, что 7 сентября 422 г. в Александрии префект Августалий Каллист был убит своими рабами. Возможно, он заслужил свою судьбу. Но ни Феофан, ни другой автор и не подумал рассказать об убитых во Фракии крестьянах, о людях, выброшенных из своих домов в башнях, о тяжкой доле солдат. В отличие от „известных людей“ и епископов все они были расходуемым материалом.

Гунны помогают Аэцию и теряют Паннонию

У нас нет информации относительно гуннских набегов на западе в 420-х гг. Среди войск, которые в 424 г. главнокомандующий армией узурпатора Иоанна Кастин выслал против Бонифация в Африку, были и гунны. Дата представляется важной, поскольку экспедиционная сила перешла к Иоанну, эти гунны, вероятно, были частью действующей армии. Обращаться к федератам за границей не было времени. Гунны, о которых идет речь, скорее всего, находились в Италии. Это, в свою очередь, указывает на дружеские отношения между Западной империей и, по крайней мере, некоторыми гуннами в то время, когда Аэций еще занимал скромное положение cura palatii[59]. Саноэс, один из трех duces[60] в Африке, мог быть гунном.

Годом позже Аэций с большой армией гуннов вошел в Италию, чтобы помочь Иоанну в войне с восточными римлянами.

Иоанн послал Аэция с крупной суммой золотом к гуннам, народу, известному ему еще с того времени, как он был у него заложником, и связанному с ним дружбой; он поручил, чтобы, как только армия Восточной империи войдет в Италию, Аэций должен напасть на нее с тыла, а сам он ударит в лоб.

[59] Забота о дворце. (*Примеч. пер.*)

[60] Вождь, полководец. (*Примеч. пер.*)

Гунны пришли слишком поздно. За три дня до их появления Иоанн был убит. Но Аэций, или не зная, что случилось, или не желая верить этой новости, ввязался в бой с силами Восточной империи, и в этом бою было много убитых с обеих сторон. Короткая кампания завершилась примирением Аэция и императрицы-матери Галы Плацидии. Гунны получили золото, вернули заложников, обменялись клятвами и отправились домой.

Хронист VI в. Марцеллин Комит записал о событиях, произошедших до 427 г., следующее: „Провинции Паннония, которые пятьдесят лет удерживались гуннами, были снова взяты римлянами“ („Pannoniae quae per quinquaginta annos ab hunnis retinebantur, a Romanis receptae sunt“).

Эти две строчки обсуждались поколениями историков. Одни считали их чепухой, другие основывали на них далекоидущие выводы. Их трактовали и снова пересматривали трактовку, переводили и искали лучший перевод, чтобы они соответствовали всем возможным теориям о судьбе бывших римских провинций на Дунае.

Считалось, что Romani Марцеллина – это восточные римляне. Это правда, что в предисловии к хронике Марцеллин написал, что, продолжая работу Иеронима, он пишет только о Восточной империи (orientale tantum secutus imperium). Как правило, он так и делал. Но перед записью 427 г. автор касался чисто западных дел не менее тринадцати раз. Были это восточные или западные римляне, которые взяли Паннонию, Марцеллин в любом случае использовал только одно слово – Romani[61]. До 476 г. две части образовывали одну Римскую империю.

Если рассматривать фрагмент Марцеллина сам по себе, его можно интерпретировать по-разному: вероятно, речь идет о жителях Восточной Римской империи, а возможно – и о Западной. Параллельный текст в „Гетике“ Иордана (166) не оставляет сомнений в значении понятий. При консульстве Гиерия и Ардавура мы читаем: „Спустя почти пятьдесят лет после вторжения в Паннонию гунны были изгнаны римлянами и готами“ („Huni post pene quinquaginta annorum invasam Pannoniam a Romanis et Gothis expulsi sunt“). До недавнего времени считалось, что Кассиодор просто скопировал Марцеллина. То, что он вставил в текст готов, не считалось примечательным: он делал это не единожды. Другие различия между „Гетикой“ и трудом Марцеллина обычно считались слишком незначительными, чтобы уделять им внимание. Энслин (Ensslin) сделал эти различия предметом замечательного исследования. Он доказал, что Кассиодор и Иордан, так же как и Марцеллин, многое взяли из утраченного труда Historia Romana Симмаха, правнука известного оратора, носившего то же имя. Практически точно установлено, что два отрывка взяты оттуда. Включая в текст готов, Кассиодору пришлось изменить бесцветный receptae – гунны не отдавали Паннонию. Их изгнали оттуда. Но он сохранил pene quinquaginta из оригинала[62].

Во всем остальном два отрывка в комментариях не нуждаются. Pannoniae – это то же самое, что Pannonia[63]. Retinebantur, вероятно, немного выразительнее, чем tenebantur, а Romanis receptae означает, конечно, были вновь взяты, возвращены римлянами.

Археологические свидетельства не подтверждают Симмаха. Нигде в Паннонии Приме и Валерии нет фортификационных сооружений, военного лагеря и даже просто здания, которое может быть датировано 420 г. Но Симмах не мог просто придумать Реконкисту. Возможно, он преувеличил успехи римлян. Не исключено, что они только заняли несколько укрепленных селений. Вполне вероятно, им удалось вытеснить какое-то количество гуннов,

[61] Римляне – а) жители города Рим; б) народы, которыми правит римский император; в) латиноговорящие народы.

[62] Сравнение между Иорданом и Марцеллином показывает, что, как правило, последний не был заинтересован в точных датах Симмаха. Там, где они есть у Иордана, у Марцеллина часто отсутствуют.

[63] Орозий использовал две формы – Pannoniae и Pannonia – без разбора, так же как Аммиан до него и Сидоний Аполинарий после.

которые подошли слишком близко к Норику. Допускаю, что римские всадники смело скакали по заброшенным дорогам, в некоторых местах могли даже выйти к Дунаю. В любом случае западные римляне пошли войной на гуннов, с которыми двумя годами раньше заключили союз, и нанесли им поражение.

Гюльденпеннинг отверг „западную“ трактовку обсуждаемых фрагментов на основании того, что правительство Плацидии было настолько плотно занято в Галлии и других местах, что не имело возможности одновременно пойти на гуннов. В какой-то мере он прав, но теперь мы знаем, что в 427 г. Паннония была если не снова завоевана, то, по крайней мере, частично снова стала римской, и аргументы Гюльденпеннинга следует пересмотреть. Римляне, конечно, не могли напасть на гуннов, если бы последние не оказались настолько ослаблены, что даже ограниченных сил, расположенных вдоль границы, хватило для местного наступления. У римлян имелось немного сил, но у гуннов, вероятнее всего, их было еще меньше.

Как и раньше, мы имеем дело с такими обрывочными и скудными свидетельствами, что может показаться более предпочтительным зафиксировать отдельные крупицы информации и оставить их как есть. Пробелы слишком велики, не говоря уже о хронологических и географических неопределенностях, чтобы пытаться отыскать тенденцию или направление развития. И все же, рассматривая вопрос в целом, причем на фоне событий времени Ульдина, эти покрытые мраком десятилетия вроде бы показывают нам по меньшей мере два кризиса в политике гуннов.

Около 410 г. орды гуннов действовали так, словно не существовало никаких уз или если существовали, то очень слабые, которые могли бы их ограничивать. Возможно, это совпадение, но, может быть, и нет, что незадолго до этого аланы разорвали союз с гуннами. Если, как мы предполагаем, сильнейшие гуннские племена в свое время заставили аланов к ним присоединиться, уход аланов изрядно подорвал силы союзников.

Спустя несколько лет гуннские цари снова признали лидерство одного человека. Харатон мог являться только primus inter pares. Между тем, даже если он не представлял собой ничего большего, он, скорее всего, был обязан своим положением не так личным качествам, хотя они тоже были важны, как превосходству гуннов, которые шли за ним. Кризис завершился. В 425 г. конфедерация племен снова оказалась настолько хорошо организована, что гунны смогли отправить несколько тысяч всадников в Италию – в любом случае количество воинов было больше, чем могло бы себе позволить одно племя. Гунны, чьей помощи добивался Аэций и получил ее, должны были подчиняться группе, которая координировала усилия разных племен и, вероятно, могла, при необходимости, навязать свою волю.

Но затем, снова по неизвестной причине, конфедерация лишилась единства. Даже если успехи западных римлян в Паннонии были относительно скромными, сам факт, что гунны, жившие к западу от Дуная, были вынуждены отказаться от части своих владений, означает неспособность этого народа объединить свои силы ради общего дела. Когда гунны в Паннонии подверглись нападению, они, должно быть, позвали своих соплеменников с востока на помощь и не получили ее. Не слышали мы и о том, что в последующие пять лет гунны за Дунаем делали попытки вернуть утраченную территорию.

Октар и Руга

Хотя источников, касающихся истории гуннов в 430-х гг., сравнительно много, не так-то просто реконструировать даже основные события. В 432 г. царем гуннов был Руга. Это, пожалуй, единственная точная дата. В каком году он стал царем, какой территорией правил, в какой степени ее расширил, какие войны вел и когда, кто после 430-х гг. стал его соправителем (если таковой вообще был) – на все эти вопросы давались разные ответы, зачастую

очень далекие друг от друга[64]. При таких обстоятельствах даже небольшие крупицы информации должны подвергаться самому тщательному исследованию. Начнем с фрагмента из „Гетики“:

> „Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою“ („Is namque Attila part genitus Mundzuco, cuius fuere germani Octar et Ruas, qui ante Attilam regnum tenuisse narrantur, quamvis non omnino cunctorum quorum ipse. Post quorum obitum cum Bleda germane Hunnorum succesit in regno“).

Иордан, точнее, Кассиодор слегка „ужал“ свой источник. Октар умер около 430 г., Руга несколькими годами позже. Но помимо этой ошибки утверждение настолько точно, что можно только удивляться, как его можно было неправильно интерпретировать. Тем не менее и Бьюри, и Томпсон сделали Мундзука соправителем Октара и Руги[65]. Стиль Иордана небрежный, но, если бы он хотел сказать, что гуннами правили три брата, он бы написал „Mundzuco qui cum germanis Octar et Ruas regnum tenuisse narrantur“. Ни один автор не называет Мундзука царем гуннов. От Приска мы знаем, что был и четвертый брат Оэбарс, который был еще жив в 448 г. Он тоже не являлся соправителем Октара и Руги. Только эти двое были царями. Но прежде чем перейти к обсуждению их предположительно совместного правления, я должен посвятить некоторое время рассказу Сократа о сражении Октара с бургундами.

В первой половине X в. мадьяры опустошали набегами Западную Европу от Северного моря до Средиземного. Между 900 и 913 гг. они разорили Силезию, Тюрингию, Франконию и Баварию. В 912 г. они переправились через Рейн, в 915 г. взяли Бремен, они дважды разоряли Лотарингию – в 917 и 919 гг., когда повернули на юг и разграбили Северную Италию. В 924 г. они появились в Южной Франции, в 926 г. взяли Верден. В следующем году мадьярские всадники разбили лагерь перед Лионом. В 951 г. они добрались до Калабрии. Собрав все силы империи, Оттон I наконец в 955 г. нанес им решающее поражение в битве при Лехфельде.

Германские соседи гуннов были разбиты на племена, но ни одно из них даже приблизительно не стало таким сильным, как слабейшее из германских княжеств X в. Неспособные на согласованные действия в течение более или менее длительного времени, разделенные взаимным недоверием, периодически воюющие друг с другом, они оказались несравненно менее способны защитить себя против гуннов, чем спустя 500 лет герцоги Баварии или Тюрингии – от мадьяр. Даже без не слишком точных литературных свидетельств нам придется допустить, что гунны совершали набеги на территории германских племен на западе так же, как они грабили Балканские провинции на юге.

Существует два рассказа о таких грабительских экспедициях. Первый нам поведал Сократ. Как он получил информацию, неизвестно. Можно только сказать, что Оптар – таково имя царя гуннов у Сократа (у Иордана это Октар) – указывает на информаторов, говорящих на латыни. Сократ пишет: „Прежде я расскажу о случившемся тогда достопамятном событии. Есть варварский народ, живущий по ту сторону реки Рейна и называющийся бургундами. Бургунды ведут жизнь спокойную, почти все они плотники и, этим ремеслом зарабатывая себе деньги, питаются. На них непрестанно нападали гунны, опустошали их страну и

[64] Великий Тиллемон даже допускал существование двух царей – Руга и Руа.

[65] *Руа* указывает на греческий источник, возможно, это был Приск.

нередко многих убивали. Находясь в столь затруднительном положении, бургунды не прибегли к какому-либо человеку, но решились обратиться к какому-либо богу. А так как они заметили, что бог римлян сильно помогает боящимся его, то все единодушно обратились к вере во Христа. Посему, находясь в одном галльском городе, они просили епископа о христианском крещении. Епископ приказал им поститься семь дней и, огласив их верою, в восьмой день крестил их и отпустил назад. Тогда они смело пошли против своих тиранов, и надежда не обманула их, ибо, когда царь гуннов, по имени Оптар, ночью умер от обжорства, бургунды напали на гуннов, лишившихся вождя и, в малом числе сразившись с многочисленными неприятелями, победили их. Бургундов было только три тысячи, а число пораженных гуннов простиралось до десяти тысяч. С тех пор этот народ пламенно привержен был к христианству".

Рассказ Сократа об этом гуннском набеге, имевшем место около 430 г.[66], не принимался во внимание многими авторами, как лишенный исторической ценности. Ни один другой автор не знает о борьбе между гуннами и зарейнскими бургундами. Традиционные мотивы чуда можно игнорировать. Но остаются такие абсурдные моменты, как существование германского племени мирных плотников, их обращение в новую веру в течение недели и победа 3 тысяч ремесленников над 10 тысячами самых грозных воинов столетия. Кроме того, можно считать, что рассказ противоречит всему, что мы знаем об истории бургундов. Они пересекли Рейн вскоре после 406 г. в 411 г. помогли взойти на трон Иовину, в 413 г. получили partem Galiae propinquam Rheno. Гуннские войска Аэция убили короля Гундахара, всю его семью и 20 тысяч бургундов. Если бургунды остались на правом берегу реки, их не могло быть больше нескольких сотен. Это серьезные аргументы. Но все равно рассказ Сократа имеет историческую сущность.

В „Панегирике Авиту" Сидоний перечисляет бургундов среди других народов, которые присоединились к Аттиле во время его марша в Галлию. Его каталог этнических имен был объявлен ненадежным, и нельзя не признать, что это странная мешанина названий реально существующих народов и тех, которые уже давно прекратили свое существование и жили только в поэтических произведениях. Сидоний писал панегирик через пять лет после гуннской войны 451 г. Все в Галлии знали, что у Аттилы в войсках нет ни гелонов, ни беллонотов, но никто не возражал против их упоминания у Сидония. С бургундами было иначе. Авит сам сражался с ними в Бельгике Приме. В 443 г., после нанесенного гуннами катастрофического поражения Аэцию, они осели в Сапаудии. Спустя восемь лет они уже сражались с Аэцием и Авитом против гуннов Аттилы. Как мог Сидоний в обращении, зачитанном перед Авитом и в присутствии преторианского префекта, сказать, что у Аттилы в армии находились бургунды, если их не было? Названия германских племен в его списке показывают точность Сидония (за исключением поэтических имен). Руги, скиры и гепиды действительно шли с гуннами в Галлию. Ни один поэт до Сидония не называл торингов, ни в одном другом источнике не сказано, что они принимали участие в войне.

Все это позволяет утверждать с большой долей уверенности, что трансрейнские бургунды действительно присоединились к Аттиле.

Рассказ Сократа об обращении бургундов в православие подтверждается, хотя не во всех деталях, Орозием, согласно которому бургунды „благодаря Божественному провидению недавно стали христианами католической веры". Это утверждение тоже было названо благочестивой выдумкой. Между тем, тщательно проанализировав текст, историк Ковиль не

[66] Глава заканчивается так: «Около того же времени скончался и арианский епископ Варва, что случилось в тринадцатое консульство Феодосия и третье Валентиниана, в двадцать четвертый день месяца июня, и на его место поставлен был Савватий». Это было в 430 г.

оставляет сомнений в том, что бургунды до того, как стали арианцами, возможно под вестготским влиянием, были католиками.

Вернер считает возможным и даже вероятным, что бургунды, жившие к востоку от Рейна, какое-то время были подданными гуннов. Но приводимые им аргументы означают скорее симбиоз аланов и бургундов в Сапаудии. Представляется, что лучше принять рассказ Сократа таким, каков он есть: гунны грабили регион Майна так же, как несколько веков спустя мадьяры грабили Лотарингию.

Зеек считал, что Октар-Оптар и Роас-Руга могли быть сыновьями Улдина. Возможно, так оно и было. Они также могли быть родственниками Харатона. Но с той же степенью вероятности можно утверждать, что их семья принадлежала к племени, игравшему незначительную роль в конфедерации. У нас попросту нет никакой информации о предках Октара и Руги, да и не знаем мы, как они пришли к власти. Если бы не Иордан, мы бы даже не знали, что в течение нескольких лет они вместе правили гуннами.

На основании короткого отрывка из „Гетики“ и ряда неявных аналогий было выдвинуто предположение, что у гуннов существовало Doppelkönigship. Если это означает, что два царя совместно правили на общей территории, это предположение следует отклонить, поскольку оно идет вразрез с текстами.

Иордан выражается вполне ясно: „Бледа правил большой частью гуннов“ („Bleda magnae parti regnabat Hunnorum“). После его смерти Аттила „объединил весь народ под своим правлением“ („universum sibi populum adunvit“). Хронист Проспер Аквитанский утверждает то же самое: „Аттила, царь гуннов, убил Бледу, своего брата и правителя, и заставил людей подчиняться ему“ („Attila rex Hunnorum fratrem et consortem in regno suo perimit eiusque populous sibi parere compellit“). Источники не указывают на разные функции двух правителей (к примеру, один мог быть религиозным лидером народа, другой – светским). Против тезиса о двоевластии как о государственном институте также говорит тот факт, что после смерти Октара в 430 г. никто не стал его преемником; его брат был единоличным правителем, как Аттила после убийства Бледы. Двоевластие считается характерным для больших групп евразийских кочевников? Я в этом сомневаюсь. Готы не были тюрками или монголами, но в IV в. был период, когда они имели двух царей. У алеманнов Хнодомарий и Серапион были potestate excelsiores ante alios reges.

Разница, которую Проспер подчеркивает между народами Юледы и Аттилы, явно указывает на географическое разделение. Идея о „двоевластии“ на самом деле возникла исходя из двух на первый взгляд противоречивых записей в галльских хрониках. Согласно хронике 452 г. Бледа наследовал Ругиле, а хронист 511 г. сделал Аттилу преемником Ругилы. Учитывая, что хроника 452 г. отражает в более чем одном отрывке восточный источник, мнимое противоречие исчезает: Бледа правил племенами на востоке, Аттила – на западе. Представляется, что такое же подразделение существовало у их предшественников. Октар не имел ничего общего с восточными римлянами, врагом которых был Руга.

Было бы рискованным возводить в правило то, что вполне может быть вызвано уникальными обстоятельствами. После смерти Аттилы его многочисленные сыновья „шумно требовали, чтобы народы были разделены между ними поровну“. То, что до нас дошли сведения только о двух более поздних царях – Денгизике (Денгизихе) и Эрнаке, – не исключает возможности существования других. Аттила убил своего соправителя. Возможно, Денгизик и Эрнак сделали то же самое. Между тем, если гунны или, точнее, их „выдающиеся люди“ захотели бы иметь снова двух царей, они бы определили каждому определенную территорию. Денгизик и Эрнак, хотя временами сотрудничали, правили каждый на собственных землях. Возможность того, что такое географическое разделение имело в основе космологические или религиозные идеи, исключить, конечно, нельзя, но свидетельств этому нет. Возможно, причины были чисто практическими: только исключительно способный и

энергичный человек мог удержать все племена вместе. „Двойное царствование“ могло стать результатом объединения двух групп племен, которые до определенной степени продолжали сохранять свою индивидуальность. И наконец, не исключено, что гунны разделили свои территории на две части, чтобы иметь дело с двумя частями Римской империи.

По сравнению с Октаром Руга представляется более значимой фигурой. Мы не знаем, как он после смерти брата стал единоличным правителем гуннов. Нам только известно, что он был царем в 432 г., когда Аэций обратился к нему за помощью.

После потери должности Аэций жил в своем поместье. Когда на него неожиданно напали какие-то его враги и попытались схватить его, он бежал в Рим, а оттуда в Далмацию. Через Паннонию он [per Pannonias] достиг гуннов. Благодаря их дружбе и помощи Аэций добился мира с правителями и был восстановлен в прежней должности.

В это время „Руга был правителем гуннов“.

Лаконичность записей в хрониках вызывает желание прочитать в них больше информации, чем там содержится. Действительно ли сама угроза его вторжения Аэция в Италию с гуннской армией заставила императрицу Плацидию принять его условия, или он все же перешел Юлианские Альпы во главе гуннских всадников, неизвестно; хотя многие историки склоняются к последнему варианту. Per Pannonias Проспера было использовано как доказательство того, что в 432 г. римляне стали хозяевами всей территории к западу от Дуная, хотя эти два слова всего лишь означают, что Руга жил к востоку от реки. Это все – трактовка источников. Однако тезис, что уступка значительной части Паннонии стала ценой, которую Аэцию пришлось заплатить за помощь гуннов, не подтверждается ни одним текстом. В наше время он стал почти что предметом веры.

Предполагаемые и действительные уступки римской территории гуннам занимают центральное место почти во всех исследованиях варваров. Можно было бы обсудить взгляд Альфёльди на судьбу провинции Валерия, когда речь шла о событиях 408 г., но мне показалось предпочтительнее подойти к проблеме уступок в целом шире.

Как можно представить себе оставление Валерии, которая не имела естественных границ на западе и юге? Ни для гуннов, ни для любых других варваров на границах империи очерчивание границ римских провинций не имело значения. Ни один гуннский всадник не остановился бы, заметив пограничный столб, и не повернул бы назад только потому, что Валерия была передана его вождю. Линии, отделявшие на картах в канцеляриях Рима и Равенны Валерию от Паннонии Примы и Секунды, не могли помешать гуннам гнать через них свои стада. Большинство знатоков гуннов являются также знатоками поздней Римской империи и не могут не использовать римскую административную терминологию. Если варвары и знали, где проходят границы провинций, они не обращали на них внимания. После миграций остготов на Балканы гепиды удерживали не только Сирмий, но также прилегающие регионы Мёзии Примы. По договору 510 г. Паннония Секунда была разделена: большая часть провинции стала остготской, только Бассиана осталась римской. В 528 г. Юстиниан уступил герулам территорию, которая не совпадала ни с одной из старых административных единиц. Она включала участки и на правом, и на левом берегу Савы. Исидор из Севильи лучше других определил такую „уступку“. Он не стал перечислять провинции, которые перешли к вандалам в 435 г. Варвары, написал он, получили partem Africae quam possederunt. Когда римляне „уступали“ землю варварам, они просто – за редким исключением – признавали реальную ситуацию, которую варвары хотели легализовать. Возможно, варвары хотели быть признанными федератами (что означало выплату дани) или наладить торговые отношения.

Археологические находки не помогают установить точную дату, когда провинция, ее часть или провинция и прилегающие к ней регионы другой провинции были оставлены. Если снова взять для примера Валерию, на основании археологических свидетельств можно

сделать вывод, что эвакуация Аквинкума (совр. Будапешт) датируется последними десятилетиями IV в., в то время как имеющая намного меньшие размеры Интерсиза якобы оставалась римской и в начале V в. Доказательств этим датам нет и быть не может. Находки из Интерсизы хорошо изучены. Многие глиняные сосуды датируются IV в. Но даже самый тщательный анализ их формы и украшений не может установить десятилетие, не говоря уже о годе, когда они были изготовлены. Был ли это 379 г.? Вероятно. 390-й? Может быть. 410-й? И это нельзя исключить. Не представляется возможным установить конечный срок, после которого эти сосуды уже не могли быть изготовлены. Определение этнического авторства находок с явно выраженными варварскими чертами тоже не может быть абсолютно точным. После того, как Klára Sz. Póczy приписала один тип сосудов вестготам, а другой, „соответственно, остготским, гуннско-аланским народам“, что бы это ни значило, в конце своего труда она признает, что вряд ли возможно установить разницу между гончарными изделиями гуннов, готов и сарматов. Между тем, даже если бы можно было определить точные даты, когда сосуды были изготовлены, и национальность их изготовителей, мы все равно не будем знать, когда и при каких обстоятельствах выводились гарнизоны. Жилища внутри и вокруг бедных лагерей заняли варвары, среди которых, вероятно, находились и гунны. Были это свободные гунны или номинальные подданные императора, мы не знаем. В городе Фенекпушта в Паннонии Приме, южнее Балкума на озере Балатон, римляне жили бок о бок с наполовину сарматизированными германцами. Маленькие римские поселения существовали то здесь, то там. Гунны, вероятнее всего, сочли целесообразным их пощадить, поскольку им были нужны ремесленники. Если бы захотели, они почти наверняка сумели бы захватить Виндобону (совр. Вена) в любой момент; однако они оставили тамошнее население в покое. Вполне возможно, участок „ничейной земли“ отделял земли гуннов от римских территорий на западе, как это было в течение многих лет на юге. Но где бы ни проходили границы, если вообще можно о них говорить, они не были границами прежних провинций.

Предположение, что Аэций уступил часть Паннонии Руге, основано на неправильном понимании отрывка из Приска. В рассказе о восточно-римском посольстве к Аттиле Приск называет Ореста римлянином, который „жил в стране пеонов на реке Сава, которая, согласно договору Аэция, генерала западных римлян, принадлежала варвару“. Идея, что Аэций уступил территорию Паннонии Руге, настолько укрепилась, что, насколько мне известно, никто не обратил внимания на очевидное. „Варвар“ встречается еще в трех отрывках: 1) Аттила приказал, что ни Бигила, ни другие восточные римляне не должны покупать коней или чего-то другого, за исключением самого необходимого продовольствия. „Это был прозорливый план варвара“; 2) восточные римляне отправили посольство „к варвару“; 3) „варвар“ назвал людей, которых он примет как переговорщиков. Отсюда следует, что варваром, которому Аэций уступил землю вдоль Савы, был Аттила, а не Руга. Обратите также внимание, что была уступлена не провинция, а территория, обозначенная рекой.

Не обращая внимания на точное заявление Приска, историки гуннов произвольно датировали „уступку“ Паннонии Примы 425, 431 или 433 г. Другой отрывок в этом же фрагменте показывает, что даже в 448 г., когда Аттила находился на вершине власти, вся провинция не была гуннской. Константиол был человеком „с земли пеонов, которой правил Аттила“. Это уточнение имеет смысл, только если существовала часть Паннонии, которой Аттила не правил.

Вероятно, Аэций мог заплатить за помощь Руги землей. Но это значит, что он официально согласился, чтобы гунны имели, изменив слова Исидора, partem Pannoniae quam possederunt. Также возможно, что он заплатил за помощь наличными; он мог заключить союз с Ругой и пообещать ему субсидии. Или он мог сделать все это одновременно. Но все это лишь гипотезы. Давайте обратимся к отношениям Руги с восточными римлянами.

Наша информация – от Сократа, Феодорита, Приска и хроник 452 г. Выдержка из Приска, судя по всему, немного сокращена, и во второй половине пропущено несколько слов. И все же это самый важный и надежный источник, касающийся истории этих неизвестных лет.

Когда некие племена на Дунае вторглись на римскую территорию и предложили свою службу Феодосию, Руга потребовал через своего посла Эслу, чтобы эти и все другие беженцы были отданы ему. Отказ он будет считать разрывом мирного договора. Вскоре после этого Руга умер, а его преемниками стали Аттила и Бледа. Новый договор они заключили в Марге (местечко к востоку от современного Белграда) с Плинтой, римским полномочным представителем, которого сопровождал квестор Эпиген, и этот документ полностью отвечал интересам гуннов. Он обеспечивал передачу всех беженцев от гуннов и тех римских пленных гуннов, которые вернулись в империю, не заплатив выкупа. Последних следовало отправлять обратно, если только за каждого не будет уплачено по 8 солидов. Римляне обязались не вступать в союз с варварами, с которыми воюют гунны. На ярмарках у гуннов и римлян должны быть одинаковые права и безопасность. Годовую дань подняли с 350 до 700 фунтов золота. Среди беженцев, отданных римлянами, были Мама (Мамас) и Атакам, два молодых человека царской крови. Их передали гуннам в Карсо и там распяли.

Этот фрагмент Приска весьма поучителен в самых разных отношениях. Из него мы узнаем о предшествующей войне, которую гунны выиграли. Дань в 350 фунтов золота, 25 300 солидов, не очень большая сумма, но сам факт, что римляне выплатили ее Руге, говорит о его незаурядном положении. Он, вероятно, был чем-то большим, чем „первый из царей“, как Харатон. Он, а вовсе не филархи, получил деньги. Как он распределил золото среди вождей племен и прочей гуннской аристократии, неизвестно. Однако он явно имел возможность навязывать свои решения: недовольные не могли бунтовать, они бежали к римлянам. У Руги были свои дипломаты. Эсла, как утверждает Приск, имел опыт переговоров с имперским правительством. Создается впечатление, что Руга играл, хотя и не напрямую, роль во внутренней борьбе при Константинопольском дворе. Плинта потребовал, чтобы переговоры велись с ним, а не с другим римлянином. Это имеет смысл, только если допустить, что бывший консул использовал свои связи с гуннами как оружие в борьбе со своими противниками – в точности так же действовал Аэций в Равенне. Однако власть короля не была неограниченной. Гунны сражались вместе, но одновременно каждый из них боролся за себя. Пленные, которых захватил гунн, принадлежали ему, а не Руге. При Аттиле только такие выдающиеся люди, как Онегесий, могли держать пленных, остальные становились собственностью Аттилы. Как далеко на восток тянулось царство Руги, сказать невозможно. То, что он не правил на территории от Венгрии до Волги, как думают некоторые ученые, следует из договора, заключенного в Марге. Римляне не могли заключать союзы с народами, жившими далеко от их границ.

Хронологию последних лет правления Руги восстановить непросто. Хроника 452 г. упоминает о его смерти в 434 г.: „Аэций снова в милости. Ругила, царь гуннов, с которым был заключен мир, умер. Ему наследует Бледа“ („Aetius in gratiam receptus. Rugila, rex Chunnorum, cum quo pax fermata, moritur, cui Bleda succedit“). Хорошо известно, насколько ненадежна хронология „Галльской хроники“. Мы бы датировали смерть Руги не раньше 431 г., но не позднее 437-го. Зеек (Geschichte. 6, 460) считает, что дата в хронике подтверждается нравоучительным рассказом о смерти короля гуннов у Сократа.

Церковный историк повествует, что император Феодосий II (408–450), получив информацию о том, что варвары готовятся к набегу на римские провинции, положился на Бога и, продолжая истово молиться, быстро получил все, к чему стремился. Главарь варваров, которого звали Руга, был убит молнией. Потом началась чума, унесшая большинство людей, которыми он командовал, и, если этого было недостаточно, огнь снизошел с небес и сжег

тех, кто уцелел. По этому случаю Прокл, епископ, произнес в церкви проповедь, в которой применил пророчество Иезекииля к божественному спасению, и его слушали с восторгом.

Прокл стал преемником Максимиана на посту константинопольского епископа в апреле 434 г. Между тем Сократ вовсе не утверждает, что Прокл проповедовал в столице. Эта история – часть панегирика Феодосию, который, очевидно, был благочестивым и покорным человеком. Смерть Руги могла иметь место в то время, когда Прокл еще служил епископом Кизика. И это было в источнике, которым пользовался Сократ: „Из-за этой покорности [Феодосия] Бог подчинял его врагов без военного конфликта, что захват узурпатора Иоанна [в 425 г.] и последующее крушение надежд варваров ясно демонстрирует“. Орды Руги стали теми, кого Иоанн позвал на помощь против римлян; они атаковали „после смерти узурпатора“.

Дата у Сократа – вскоре после 425 г. – не только отличается от указанной в старой „Галльской хронике“, она также противоречит Феодориту, который поведал ту же историю в „Церковной истории“, и в комментарии к псалму (22: 14–15). Бог помог Феодосию справиться с гуннами, потому что император доказал свою преданность истинной религии, издав закон, повелевающий полностью разрушить все языческие храмы. Победа над Ругой стала „обильным урожаем, который вырос из хороших семян“. Эдикт был издан 14 ноября 435 г., так что Руга должен был погибнуть уже после этого. Информация Феодорита подтверждается, если она вообще нуждается в подтверждении, другой победой, которую Бог даровал Феодосию в награду за благочестие. Он покарал персов в 441 г.[67]

Таким образом, мы имеем три даты смерти Руги: вскоре после 425, 434 и после ноября 435 г. Судя по всему, ни одна из них не является правильной, потому что, как нам известно из Приска, Руга умер не в ходе кампании во Фракии, а на своей земле. Но рассказы Сократа и Феодорита не могут быть просто отброшены, как не представляющие ценности. Римляне действительно вели кампанию против Руги. Она имеет близкую параллель в проповеди Исаака Антиохийского. Как гуннам в 447 г. пришлось на короткое время отступить, кстати из-за чумы тоже, но только чтобы атаковать снова, так и орды Руги потерпели временную неудачу.

Во время переговоров, которые привели к заключению договора в Марге, гунны все еще удерживали римских пленных, так что мир, вероятно, был заключен немногим раньше. На это указывает „Галльская хроника“: „Руга, с которым был заключен мир, умер“ („Ruga, cum quo pax fermata, mortitur“). Кто заключил мир с Ругой? Не западные римляне, как это обычно полагают. Ведь они не находились в состоянии войны с гуннами. Это были восточные римляне. Более того, если мы вспомним, что „Галльская хроника“ не единожды опиралась на восточные источники, появляется уверенность, что мир, о котором идет речь, положил конец военным действиям во Фракии.

У Сократа дата неприемлема, в „Галльской хронике“ – сомнительна. Феодорит – „после конца 435 г.“ – согласен с Приском. Эпиген, компаньон Плинты в посольстве к преемникам Руги, 15 ноября 438 г. был еще magister memoriae[68]. Поскольку Приск называет его квестором, посольство было отправлено после этой даты. Томпсон считает, что Приск допустил промах, но его единственный аргумент – дата смерти Руги, которую он ошибочно, как мы теперь можем сказать, отнес к 434 г. Роль Плинты в переговорах с Ругой, а потом с Бледой и Аттилой, дает другое обоснование для более поздней даты. Он был, как сказал Приск, magister militum. Анатолий, заключивший в 447 г. договор с Аттилой, был magister militum praesentalis. Положение Плинты при дворе, его явно напряженные отношения с другой знатью, вмешательство в дипломатические дела – все это практически не оставляет сомнений в том, что он тоже был magister militum praesentalis. В 434 г. Сатурнин, который должен был

[67] Речь идет о Второй Персидской войне во время правления Феодосия.

[68] Начальник архива канцелярии. (*Примеч. пер.*)

занять место Дорофея, епископа Марцианополя, смещенного Максимианом, прибыл в город cum magnificentissimo et gloriosissimo magistro militae Plintha. В то время Плинта еще оставался magister militum per Thracias. Значит, его повышение имело место после 434 г.

Подведем итоги: война Руги с восточными римлянами, его смерть и начало правления Бледы и Аттилы должны датироваться второй половиной 430-х гг.

Аттила

В труде „Базар Гераклита“ (Bazaar of Heracleides), бывший патриарх Константинопольский Несторий (428–431), после 436 г. сосланный в Оазис в Египте, с упорной настойчивостью возвращается к несправедливости, сотворенной с ним на Эфесском соборе в июне 403 г., и сколько невыразимого зла из этого получилось. В rabies theologica (теологическое рвение. – *Пер.*) эта книга превосходит даже труды патриарха Кирилла Александрийского, врага Нестория. Только случайно автор бросает мимолетный взгляд на мир вокруг конклавов, где обитают враги Господа. Но этот ограниченный фанатик понимал причины быстрого возвышения гуннов лучше, чем большинство его современников. В конце „Базара“, говоря о войне с гуннами в последнем десятилетии правления Феодосия Младшего, Несторий пишет: „Народ скифов был великим и многочисленным, ранее разделенным на отдельные группы и царства, и к ним относились как к разбойникам. Они обычно не делали много плохого, разве только из-за скорости. Позднее они создали царство, стали могущественными, так что превосходили все силы римлян“.

Хотя это упрощение, по сути, Несторий прав. До конца 430-х гг. гунны были большой неприятностью, худшей чем сарацины и исаврийцы, но они не представляли опасности. Их набеги временами заводили их глубоко на территорию Балканских провинций, но их всегда или отбивали, или от них откупались.

В конце 440-х гг. варвары были, по словам Нестория, хозяевами, а римляне – слугами. Это тоже преувеличение, но даже самые беззастенчивые льстецы набожного Феодосия не могли бы отрицать, что всего за несколько лет банды „разбойников“ превратились в первоклассную военную силу. Они бы отвергли объяснение этой перемены, данное Несторием, а именно что столкновение греха и истинной веры в беспристрастного Бога дало возможность гуннам объединиться под властью одного правителя, и по-своему были бы правы. Гунны не стали сильнее, потому что римляне ослабели. Восточная армия в 447 г. оставалась такой же сильной, как в 437-м, фортификационные сооружения на границах были в должной степени обеспечены гарнизонами, и нет никаких оснований считать, что римские войска возглавляли некомпетентные генералы. Кстати, самые крупные победы гуннов имели место в то время, когда Восточная империя пребывала в мире с Персией. Так что объяснение радикальной перемены в относительной мощи гуннов и римлян следует искать не в Риме, а в Гуннии.

Стало модным отрицать заслуги Аттилы в недолговечном величии его народа. Нам говорят, что он был не военным гением или исключительно способным и удачливым дипломатом, а обычным растяпой, который не совершал бы столь очевидных промахов, имей он в советниках профессора истории. Цель следующих страниц заключается не в доказательстве того, что Аттила стал еще одним Александром. Если в результате нового изучения 441–447 гг. личность Аттилы окажется решающим фактором, я первым стану утверждать, что этот фактор далеко не единственный. Но прежде чем размышлять о первичных, вторичных и третичных факторах, о непосредственных и отдаленных причинах тех или иных событий, следует определить сами события. Я уверен, что традиционные исторические труды дают нам ошибочную картину гуннских войн 440-х гг., равно как и искаженное представление о взаимоотношениях гуннов с Западом. Существует ряд источников, которые или игнорировались, или рассматривались с презрительной беспечностью. Ни один из них, взятый сам по

себе, не является разоблачающим. Только рассмотрев их в комплексе и обратив самое пристальное внимание на детали, мы можем надеяться правильно реконструировать события самого решающего десятилетия гуннской истории.

Гунны угрожают Западу

„Второй панегирик“ Меробавда Аэцию – совершенно заурядная поэма. Больше половины ее утрачено; многие стихи в единственном уцелевшем манускрипте повреждены и могут быть восстановлены лишь с небольшой степенью вероятности. Как и другие поэмы Меробавда, панегирик занимает очень скромное место в поздней латинской литературе, но его значение как исторического документа невозможно преувеличить. Он проливает свет на отношения между гуннами и Западной империей в период истории, о котором нам практически ничего не известно из других источников.

Для моих целей стало бы неуместно обсуждать панегирик во всех его исторических аспектах, однако части, касающиеся гуннов, могут оказаться в нужном контексте только после того, как будет определена дата прочтения поэмы. Аэций был консулом в 432, 437 и 446 гг. Зеек датирует панегирик 446 г., и Левисон выдвинул предположение, что Меробавд адресовал панегирик консулу 437 г. Вольмер, Бьюри, Штейн и Томпсон выступают за 446 г. Неопределенный стиль Меробавда и его склонность использовать иносказания вместо того, чтобы прямо называть личности и места действия, часто затрудняют понимание. Однако в целом поэма представляет ясную картину событий, предшествовавших третьему консульству великого полководца.

Год начинается мирно (стихи 30–41). Трубы молчат, оружие без движения. Беллона сняла свой шлем и украсила волосы оливковым венком. Марс безучастен, пока Аэций надевает консульскую тогу. „Оружие и колесница бога безмолвствуют, и его ленивые кони пасутся на пастбищах, спрятанных под инеем Рифейских гор“. У Клавдиана, последователем которого был Меробавд, кони Марса резвятся на пастбищах Эридана. Разница важна. Для Меробавда дом Марса – Крайний Север. Аэций стал консулом „с покоренными северными территориями“.

Но этот мир дался с большим трудом. Чтобы обеспечить его, Аэцию пришлось вести много войн. В предисловии поэт дает краткий обзор достижений своего героя. Он не придерживается хронологического порядка. Начиная на севере, на Дунае, он следует на запад к Рейну и tractus Armoricanus (современная Бретань), поворачивает на юг к Нарбонской Галлии и заканчивает путь в Африке.

После ссылки о деяниях Аэция на Дунае, о которой я поговорю позже, Меробавд переходит к франкам.

Рейн добавил союз, служащий унылому миру. Река довольна тем, что ее изогнули западные цепи, и радуется, видя Тибр [Рим] растущим на другом берегу.

> Addidit hiberni famulantia foedera Rhenus
> orbis et hesperiis flecti contentus habenis
> gaudet ab alterna Thybrin sibi crescere ripa [стихи 5–7].

Эти высокопарные стихи – пример стиля Меробавда. Он хотел сказать, что Аэций принудил народы на Рейне заключить союз с Римом; территория к востоку от реки снова стала римской.

Сам по себе отрывок может быть отнесен к концу 420-х гг., началу 430-х или 440-х гг. Моммзен считал, что Меробавд намекает на победу Аэция над франками в 428 г. В 432 г.

Аэций снова покорил франков. В контексте, указывающем на период незадолго до 439 г., Иордан говорит, правда немного неясно, о „сокрушительных поражениях“, которые Аэций нанес гордым свевам и варварам-франкам. Около 440 г. Кёльн и ряд других городов Рейнской области были во власти франков. Несколькими годами позже – точная дата неизвестна – они ушли, только чтобы напасть снова в 455 г. Так как в 451 г. они сражались против Аттилы как союзники римлян, foedus (договор. – *Пер.*) между ними и империей, то есть с Аэцием, должно быть, возобновился после 440 г. Штейн был склонен думать, что Меробавд намекает на этот последний союз. Иными словами, стихи 5–7 сочетаются с любой датой, предложенной для панегирика. Но следующие стихи 8-15 безошибочно указывают на 446 г.

Розовая картина tractus Armoricanus, нарисованная Меробавдом, где бывшие багауды, ныне законопослушные крестьяне мирно пахали свои поля, была неверной в любой период первой половины V в. Но даже если сделать все скидки на преувеличения, без которых не может обойтись автор панегириков, Меробавд никак не мог написать эти строки в 436 г. Багауды, „неопытная и неорганизованная банда простаков“ (agrestium hominum imperita et confuse manias), не были ровней регулярной армии, но разнородным ордами федератов, которых бросил против них Аэций, они оказали упорное сопротивление. Римлянам потребовалось много времени, чтобы усмирить начавшееся в 435 г. восстание. Тибатто, лидер багаудов, сражался и в 436, и в 437 г. Когда Аэций начал свой второй консульский срок, Литорий и его гунны были полностью заняты, охотясь за неуловимыми бандами, которые, очутившись в лесах, недоступных для всадников, отрывались от них снова и снова. Только после того, как многие их лидеры были или убиты, или взяты в плен, багауды успокоились.

Не только в tractus Armoricanus не было мира в 437 г.; война также шла в Южной Галлии. Нарбонна, уже много месяцев осажденная готами, была готова сдаться, когда в начале года город освободил Литорий. Меробавд умело описывает Нарбонскую Галлию и подчеркивает важность провинции как связующего звена между Италией и Испанией. Аэций изгнал бандитов, дороги снова были открыты, люди начали возвращаться в города. В стихах 144–186, говоря о „воинственных деяниях“ своего героя, Меробавд рисует замечательную картину войны в Галлии. Готы больше не были примитивными дикарями, с которыми сражался Цезарь. Они научились искусству войны и храбро удерживали укрепленные города. Эти люди были благородны в делах, если не в мыслях. В 439 г. война закончилась союзом между готами и римлянами.

Стихи 24–29 относятся к еще более поздним событиям. Во время, когда римляне еще удерживали Карфаген, Меробавд не мог назвать Гайзериха insessor Libyae, он не мог сказать, что король вандалов разрушил трон царства Элиссы (Elissaean kingdom) и что орды северян заполнили Тирийские городки (Tyrian). Карфаген пал 19 октября 439 г. Стремление Гайзериха устроить помолвку между одним из его сыновей и римской принцессой, на которое Меробавд ссылается в стихах 27–29, также предполагает, что война закончилась. Мир, заключенный в 442 г.[69], – самое позднее датируемое событие, из перечисленных в prooeminum (предисловие. – *Пер.*).

---

[69] Может показаться странным, что Меробавд пропускает войну с бургундами 436–437 гг. По решению сената была возведена статуя Аэция (ее основание было раскопано в 1937 г.) ob Italiae securitatem quam procul domitis gentibus peremptisque Burgundionibus et Gotis oppresis vincendo praestitit; см.: *Bartoli*, 1948. 267–273. То, что бургунды названы в надписи, но отсутствуют в панегирике, может объясняться разными датами двух документов. После того как бургунды обосновались в Сапаудии (современная Савойя), они вели себя тихо. Когда была установлена статуя, память о войне с ними была свежа. Но в 446 г. бургунды были преданными союзниками, которые действительно несколькими годами позже сражались на стороне римлян против гуннов. Готы, наоборот, сохраняли враждебность к Аэцию даже после договора 439 г.; но Меробавд, возможно, имел дополнительные причины не упоминать бургундов. «Римские» войска, разрушившие Бургундское государство, были гунны, которых возглавил Литорий, служивший Аэцию. С ухудшением отношений Аэция с гуннами и через очень короткое время после действительной угрозы войны с Бледой и Аттилой Меробавд мог решить, что будет правильнее не упоминать о победе над бургундами, которая стала заслугой Аэция только номинально. N. H. Baynes правильно указывает на то, что обстоятельства, при которых пало царство бургундов, весьма туманны.

* * *

Теперь мы можем вернуться к началу поэмы. Первый стих утрачен. Это, вероятно, была краткая хвала Аэцию, который

…Damvit cum pace redit Tanainque furore
exuit et nigro candentes aethere terras
Marie suo caruisse iubet; dedit otia ferro
Caucasus et saevi condemnant proetia reges.

(…Возвращается домой с миром на Дунае [*или:* с берегов Дуная] и лишает Танаис фурора, и велит странам, сияющим под черным небом, быть без Марса. Кавказ дает отдых железу, и цари дикарей порицают сражения.).

Гипотеза Моммзена, а затем и Вольмера, Бугиани и Томпсона: четыре стиха относятся к пребыванию Аэция с гуннами после 409 г., не может быть правильной. Перечень добродетелей его героя определенно входил в обязанности *ритора.* Но все же были определенные пределы. Даже самый подобострастный льстец не мог сказать, что мальчик Аэций вернулся с миром на Дунае. Посланный к гуннам заложником, чтобы гарантировать соблюдение условий соглашения, он не отдавал приказы, а получал их.

Не только содержание стихов не позволяет нам принять их за намек на юность Аэция. Нельзя забывать и о контексте. Меробавд помещает заключение мира с варварами на севере во главу списка достижений Аэция. Все достижения – захват левого берега Рейна, усмирение Арморики, победа над готами; попытка Гайзериха восстановить дружественные отношения с двором в Равенне – имели место между 437 и 446 гг. А значит, дела с „Кавказом“ и „Танаисом“ тоже должны быть датированы этим периодом.

Стихи 50–97 снова относятся к северным варварам. Нечестивая богиня жалуется, что ее везде презирают: „Нас отбрасывают волны и не пускают на землю“. Не желая больше этого терпеть, она решает призвать далекие народы с Крайнего Севера. Разрушив сложившиеся союзы царств, она повергнет мир в хаос. Она направляется к Рифейским горам, где живет Энио. Богиня войны подавлена, поскольку на земле так долго царит мир. Diva nocens[70] уговаривает Энио приободриться и подтолкнуть скифские орды Танаиса к войне с римлянами.

Эти стихи явно отражают влияние Клавдиана, но нас интересует их содержание. Речи Diva nocens не могут быть прелюдией к описанию готской войны, как предполагал Вольмер. Стихи 52–53 обозначают дату со всей точностью, которую можно ожидать от Меробавда: „Нас отбрасывают волны и не пускают на землю“ (Depellimur undis nec terries regnare licet). Единственным народом, который сражался с римлянами в море, были вандалы. Проспер, Марцеллин Комит и „Пасхальная хроника“ (Chronicon Paschale) писали об их пиратских экспедициях в 437, 438 и 439 гг. После завоевания Карфагена „они построили флот легких кораблей и напали на империю с моря, как ни один тевтонский народ раньше не делал и не собирался делать впредь на Средиземном море“. В 440 г. вандалы высадились на Сицилии и разграбили Брутий. Только после 442 г., когда Гайзерих попытался договориться с римлянами, фурии „были отбиты волнами“. За десятилетие яростных нападений на империю три или четыре года мирной передышки, должно быть, показались долгими. Угроза войны, обращение Энио к варварам севера должны быть датированы 443–446 гг.

[70] Вредная богиня. (*Примеч. пер.*)

Дикие скифские орды – должно быть, гунны. К середине V в. ни один другой народ не был достаточно силен, чтобы угрожать Италии. Кстати, Меробавд характеризует противника настолько ясно и четко, что невозможно усомниться в том, что он имеет в виду. Варвары жили возле Рифейских гор, на Танаисе (Дон) и на Фасисе (река Рион к востоку от Черного моря). „Дрожащий Тибр будет атакован его другом Фасисом“ (*Phasiacoque pavens innabitur hospite Thybris* – стих 56): значение странной метафоры очевидно – люди с Фасиса ворвутся в Италию.

Рифейские горы могли быть связаны с любым народом на севере. Танаис в поэтическом языке – это река севера, так же как Нил – река юга. Готы Алариха являлись народами с Танаиса и Истра. Сидоний назвал Гайзериха бунтовщиком с Танаиса. Но ни одно германское племя никогда не ассоциировалось с Фасисом и Кавказом. Это – районы, откуда пришли гунны. Гуннские вспомогательные части армии Феодосия пришли „с грозного Кавказа и дикого Тавра“ (minax Caucasus et rigens Taurus). В 395 г. гунны вторглись в Азию „с далеких скал Кавказа“, они пришли с земель за холодным Фасисом. Гунны были не просто варварами с севера, а „народом с самых дальних границ Скифии, за ледяным Доном“ (genus extremos Scythiae vergentis in ortus / trans gelidum Tanain). Меробавд так их и называет: „племена, живущие на дальнем севере“ (summon gentes aquiline repostas – стих 55). Кавказ, Танаис, Фасис, Крайний Север – это страна гуннов и только гуннов.

Изучение панегирика Меробавда не оставляет сомнений в том, что однажды между 437 и 446 гг. отношения между Западной империей и гуннами были крайне напряженными. Фраза „Кавказ даровал досуг мечу“ („Dedit otia ferro Caucasus“) указывает на реальную, хотя, возможно, ограниченную войну. Наша интерпретация поддерживается надписью на (теперь утраченном) могильном камне:

> „Здесь слава Италии похоронена, герой Константин, который был щитом своей страны, ее стенами и оружием.
> Непобедимый в войне, любящий настоящий мир, хотя и раненный, он всегда побеждал.
> Он подчинил расу, которая пересекала море, и даже земля отказалась помочь побежденным.
> Он был разумен, могуч в бою и строг, сильный командир, первый в мудрости, первый в войне.
> Он горел любовью и преданностью римлянам и наводил ужас на паннонийские племена.
> В войне он искал почестей для себя и своих сыновей, знати он дарил в подарок отрубленные головы.
> Среди своих сынов отец лежит пронзенный, горюющая мать не знает, кого оплакивать, сраженная горем.
> Хуже несчастье Рима, лишившись великого сенатора, он потерял украшение, потерял оружие.
> Горюющие армии застыли в скорби, когда уносили их великого командира, с которым Рим был силен, без которого он слаб.
> Этот холм, о великий лидер, возведен для тебя твоей супругой, которая лежит здесь, воссоединившись с тобой“.

(Hic decus Italiae tegitur Constantinus heros
qui patriae tegmen, murus ac arma fuit.
Invictus bello, non fictae pacis amator,
confixus plagis, victor ubique fuit.
Hic mare per medium gentem compressit euntem,
et victis pariter terra negavit opem.
Sobrius armipotens castus moderamine pollens
primus in ingenio, primus in arma fuit.
Romanis blando quantum flagravit amore,
tantum Pannoniis gentibus horror erat.
Iste sibi et natis bello marcavit honores,
munera principibus colla secata dedit.
Natorum medio fixus pater: anxia mater
quern plangat nescit, stat stupefacta dolens.
Peius Roma gemit tanto spoliata senatu,
perdidit ornatum, perdidit arma simul.
Tristes stant acies magno ductore remoto,
cum quo Roma potens, quo sine pressa iacet.
Hunc tumulum, dux magne, tuum tibi condidit uxor,
quae tecum rursus consociata iacet.)

Константин, человек скромного происхождения, отличился на службе Риму. Он воевал против варваров на суше и на море и был убит в стычке с жителями Паннонии.

Кем был Константин и когда он жил? Имя является чрезвычайно распространенным; должно быть, было множество сенаторов по имени Константин. Моммзен предположил, что стихи прославляют императора Константина Клора (305–306). Однако они были написаны в то время, когда Паннония или, по меньшей мере, значительная ее часть больше не была римской провинцией. То, что мореплаватели идентифицировались как вандалы, признавали Зеек, Сундуолл и Фибигер. Однако эти историки не смогли „вставить“ деяния Константина в историю 430-х или 440-х гг. Я думаю, мы сможем это сделать. Единственным временем, когда западные римляне воевали с варварами-мореплавателями сначала на море, затем на суше, был период между 437 и 440 гг. Tantum Pannoniis gentibus horror erat указывает на сражение в Паннонии и вокруг нее, на командира войск на границе, то изгоняющего вторгшиеся банды, то организующего набеги на территорию врага, на постоянные стычки вдоль границы: munera principibus colla secata dedit.

Существует еще два документа, которые отражают угрозу войны со страшным противником между вторым и третьим консульствами Аэция. Согласно novella, изданной в Равенне 14 июля 444 г., большая группа официальных лиц лишилась привилегий, которыми она пользовалась более 30 лет. Ранее их не только освободили от обязанности по снабжению рекрутов из числа своих арендаторов; они даже не должны были производить денежные выплаты, которыми многие землевладельцы заменяли отправку своих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.